

Танчо Уанса.

Маленький Роман из жизни «психов»

и другие невероятные истории

Таньчо Иванса
**Маленький роман из жизни «психов» и
другие невероятные истории (сборник)**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4997189

Маленький роман из жизни «психов» и другие невероятные истории: Издать Книгу; М.; 2013

Аннотация

Истории, которые возможно когда-то уже случились, а может быть, их осуществление еще впереди. И если уж по-честному, то выдумать ТАКОЕ невозможно. Читайте, но помните: идеальную книгу нельзя купить, ее можно только написать.

Содержание

МАЛЕНЬКИЙ РОМАН ИЗ ЖИЗНИ «ПСИХОВ»	4
Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 4	15
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	25
Часть 2	29
Глава 1	29
Глава 2	31
Глава 3	33
Глава 4	35
Глава 5	39
Глава 6	42
Глава 7	44
Часть 3	49
Глава 1	49
Глава 2	52
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Таньчо Иванса

Маленький роман из жизни «психов» и другие невероятные истории

МАЛЕНЬКИЙ РОМАН ИЗ ЖИЗНИ «ПСИХОВ»

Часть 1

CETERUM CENSEO CARTHAGINEM ESSE DELENDAM¹

Глава 1

В пятницу 2 июня в 15.46 по местному времени в палате № 3 городской психиатрической клиники появился новенький. Позже выяснится, что зовут его Александр, а пока его собрат по несчастью и будущий сосед в одном наборе – Митрич – обнюхивает незнакомца со всех сторон, ибо уже лет пять считает себя ризеншнауцером, которого инопланетяне научили ходить и говорить. «Спасибо, что хоть окончательно в человека не превратили!» – радовался иногда Митрич, глядя на людей.

Запах новенького ему скорее понравился, чем нет. Успокоившись, он лег возле Сашиных ног и уснул, уложив голову на его колени.

Проснулся Митрич через час: приподнял одно ухо, обнюхал воздух вокруг – проголодался. Едой не пахло – значит, ужина еще не было. «Замечательно, получается, я не пропустил ничего интересного!» – подумал он и внимательно посмотрел на новенького. Саша сидел все в том же положении: сложив руки на коленях, слегка склонив голову и закрыв глаза, к тому же все это время его лицо не покидала ослепительно-сияющая улыбка.

«И чему он радуется?» – подумал Митрич, сладко потянулся, вытянув затекшие лапы, и почесал за ухом.

Кроме этих двоих в палате был еще один человек – Вениамин – Веник, в шутку называли его другие пациенты.

– Это кто? – спросил он у Митрича, ибо других собеседников в данный момент по близости не наблюдалось.

– Не знаю. Мне не докладывали. Но судя по запаху – компьютерщик.

– Что от людей, связанных с техникой, как-то по-особому пахнет? – усмехнувшись, поинтересовался Веник.

– Естественно, – хрипло гавкнул Митрич. – Пластмассой, металлом, горячей пылью, бумагой и немного краской от букв на клавишах и лазерных дисках.

– Здорово! А меня ты тоже сразу раскусил?

– А чего тебя раскусывать, – флегматично отозвался «ризеншнауцер», – писатель он и в Африке – писатель. Ужин когда?

– Еще почти час... – Вениамин поднялся со своего места и подошел к новенькому. Провел рукой перед его лицом, слегка толкнул в области предплечья, поднял руку и отпу-

¹ Карфаген должен быть разрушен (лат.)

стил. Когда Сашина кисть безвольно упала обратно на колено, Веник сдался: пожал плечами и отошел. – Станный он какой-то...

– Ты тоже – странный, – все так же спокойно твякнул Митрич. – Вот чего ты ночью прятался под моей кроватью, да еще молился шепотом битых два часа?

Ответить Вениамин не успел. Дверь открылась и в палату вошел доктор Сазонов Николай Павлович.

– Как наше самочувствие? – обратился он одновременно ко всем пациентам.

– Нормально, – в унисон и по стойке смирно отозвались все, кроме Саши, разумеется.

– Отличненько. Новенький в себя не приходил? – деловито осведомился доктор. Он вообще всегда старался разговаривать с пациентами как с равными: так, словно они его коллеги.

– Нет. – Веник сам ответил за двоих. – А что с ним?

– Пока не знаем. Большая к вам просьба, дорогие мои, если он придет в себя, что-нибудь скажет или сделает, обратитесь к дежурному врачу, хорошо?

– А вы? – равнодушно поинтересовался Митрич.

– Завтра я выходной. В воскресенье тоже, но постараюсь забежать к вам ближе к вечеру.

В любом случае обследование начнем с понедельника... Что ж, счастливо отдохнуть!

– И Вам, Николай Павлович, – опять же хором отозвались обитатели палаты № 3.

Доктор Сазонов добродушно усмехнулся такому единодушию. «Все бы пациенты были такие милые, цены б моей специальности не было!» – подумал он с легким намеком на горечь, прежде чем окончательно закрыть за собой дверь...

Было около четырех часов утра, когда Митрич тихонько подполз к Венькиной кровати и попытался растормошить его. Вениамин проснулся не сразу – в больнице быстро привыкаешь к тому, что можно спать сколько захочется, становишься ленивым и почти безучастным к происходящему.

В палате тускло светила лампочка, выкрашенная светло-зеленой краской для придания ей вида ночника, но все равно было слишком светло, и толком не проснувшийся пациент сощурился.

– Ты чего? – раздраженно прошептал он.

– Новенький очнулся. Смотри!

Веник повернулся и обомлел. Саша все также сидел на кровати, только теперь на его лице была не мечтательная улыбка, а такое себе удивленно-расстроенное выражение как у малыша, у которого неизвестный взрослый дядька забрал любимую игрушку. Он растерянно обводил глазами незнакомую комнату и силился понять, где находится. Ответ на вопрос требовал информации извне, и новенький обратился к присутствующим:

– Где я?

– В психушке... – Митрич не выбирал выражения. Какими словами ни приукрашивай правду, суть от этого не меняется – давнее и глубокое его убеждение.

– Интересные дела! – улыбнулся Саша; несмотря на ответ незнакомца, к нему начало возвращаться присущее ему чувство юмора. – Ну и как я здесь оказался?

– Как-как... Как все! – буркнул Вениамин. – Кстати меня Веник зовут, а это, – он указал на соседа, – Антон Дмитриевич или Митрич. А кто ты?

– Александр, можно Саша. А еще некоторые мои знакомые называют меня Аликом и Саней. Выбирайте что хотите.

– Будем считать, что знакомство состоялось, – пробубнил Вениамин. Он все еще находился в довольно скверном расположении духа, ибо с детства не любил просыпаться засветло, в отличие от соседа по палате.

– И все-таки... – Саша никак не мог уразуметь простой логической последовательности: как можно заснуть дома, а проснуться в психиатрической клинике. – Что я здесь делаю?

– Подозреваю, что тебя, как и нас с Веником, привезли сюда лечиться! – зевнув, прогавкал Митрич.

– От чего?..

– У врача спросишь, чего к нам пристал? – Вениамин злился: мало того, что выспаться не дали, так и еще глупую бесполезную дискуссию развели: – Раз лечат, значит, есть от чего! Неужели так сложно?..

– Не согласен, – зарычал Митрич.

– Действительно, – засмеялся Саша, – я вот не чувствую себя больным, скорее очень сонным, но это состояние вряд ли имеет какое-то отношение к психическим расстройствам.

– Подтверждаю, – закивал головой Митрич (удивительное единодушие для людей, которые познакомились минуту назад!). – В соседней палате лежит пациент... Как его, Вень?.. Вспомнил – Геннадий Вольский! Так он действительно болен – ему постоянно мерещится демон, по кусочкам поедающий его плоть, отчего Генка время от времени орет благим матом – думает, что таким образом отгоняет этого злого духа! А мы... Одно название!.. Я до сих пор удивляюсь, как можно держать в психушке собаку, даже если она говорящая! Мое место скорее в цирке, чем в больнице...

– А Вы именно собака? Я почему-то подумал, что Вы человек, который думает, что он пес...

– Я же и обидеться могу... Какой я тебе человек? Видишь, какая у меня густая черная шерсть? – Для подтверждения своих слов Митрич поднял рукав полосатой пижамы и пальцем ткнул в черную поросль на левой руке.

– Простите, если я Вас оскорбил, – виновато улыбнулся Саша. – Конечно Вы не человек, у людей не бывает шерсти!

– То-то же!.. – успокоился Митрич.

Затем, чтобы окончательно загладить свою вину, Александр битый час рассказывал своим новым знакомцам о своем далматинце Фоксе. Митрич одобрительно кивал головой, а Вениамин слушал вполуха, изредка улыбаясь, ибо Саша, как ни крути, был отличный рассказчик.

Таковыми их и застало красноватое утреннее солнышко, осторожно пропускающее свои лучи через решетчатое окно палаты № 3.

И была ночь, и было утро – день первый...

Глава 2

Саша очнулся от сильного шлепка по щеке. Над ним стоял немного перепуганный Веник и Митрич, уже весьма близкий к тому, чтобы утратить блаженное равновесие.

– Фуух... Горазд ты людей пугать, Саня, – выдохнул Вениамин и вытер капельки пота, выступившие на лбу от напряжения.

– А что?..

– Ничего! Рассказывал о своей собаке и отключился... Как телевизор – раз, и замолк на полуслове... – ответил Митрич за себя и за соседа.

– Ага! – лаконично подтвердил Вениамин.

– Бывает же такое... – извинительно произнес Саша, одновременно недоуменно почесав затылок.

– Проехали, завтракать пошли! Кстати, после тебе надо показаться дежурному врачу – мы его не хотели среди ночи будить, – буркнул Веник, а затем почти мечтательно протянул: – Сегодня суббота, значит, будут оладушки с медовой поливкой – такую вкуснятину и дома не каждый день ешь...

Вспомнив о доме, Вениамин тяжело вздохнул. Еще три месяца назад у него был дом, жена, работа. А сейчас... Последний раз его проводывала сестра, и та – около двух месяцев назад. Посидела минут десять, посмотрела. Веник, наверное, до самой старости будет помнить тот ее взгляд. В нем было не сострадание, нет, и даже не понимание, что любой из нас может так влипнуть, а какое-то равнодушное удивление, которое словесно можно было бы выразить примерно так: «Такая глупость могла случиться только с тобой, брат, это все равно что утонуть в стакане воды, хотя... только здесь и могла закончиться твоя странная жизнь...».

Вениамин еще раз вздохнул, а затем взял себя в руки и постарался выкинуть нехорошие мысли из головы. Один раз они его уже довели до петли на шее, второго раза он не хотел.

– Пошли, я покажу где столовая, – кивнул он Саше.

– Блинчики, – брезгливо поморщился Митрич, – косточек бы дали. Свеженьких, с кровью... эх!

В каждом корпусе была своя столовая и находилась она на первом этаже, но уже на втором, где находилась палата наших знакомцев, витал сладковатый аромат тех самых блинчиков, о которых Веня давеча поминал. У Сани мелькнула мысль, что пребывание в клинике, почему-то сильно смахивает на санаторий, во всяком случае, пока. Но уже через десять минут, наш герой был склонен к тому, чтобы изменить свое мнение. Оказалось, что его соседи по палате, чуть ли не самые адекватные люди в этой клинике. Остальные, насколько Саше было видно с его места за столом, выглядели несколько более «больными».

Например, за соседним столиком справа сидела очень оригинальная компания из трех человек. Первый был длинный и наголо обритый, он возвышался над своими собратьями примерно как вавилонская башня, но был в глубоком ауте – не реагировал ни на соседей, ни на блинчики – просто сидел, а с его подбородка стекала неаккуратная струйка слюны и капала прямо на засаленную полосатую пижаму. Второй был, напротив, махонький, очень полный мужчина неопределенного возраста. Он, за секунду покончив со своей порцией, начал кормить длинного с рук. Для этого ему приходилось каждый раз вставать, иначе бы он просто не дотянулся. Сцена эта могла бы выглядеть комично, но только на экране телевизора. На деле же, Саша даже умилился такой взаимовыручке.

Что же касается третьего субъекта из той компании, то он требует отдельного описания. Юноша, чуть ли не подросток, худой как щепка, со слегка перекошенным от испуга лицом. Несколько раз за время, пока длился завтрак, в его глазах появлялся настоящий неподдельный ужас, он начинал задыхаться и стонать, одновременно отгоняя воображаемых мух от тарелки, своей головы, соседей по столику. Мальчику казалось, что если он позволит им на что-нибудь сесть, они уже не отвяжутся: от завтрака не останется даже тарелки, а от его головы и обглоданной черепной коробки. А что неуправляемый черный рой этих мух может сделать с его товарищами по несчастью, он и думать не хотел, у него внутри все сразу холодело и сжималось!

Саше стало до оскомины жаль юношу: такой молоденький и такой испуганный. Это ж как нужно было напугать бедного ребенка, чтобы он даже есть нормально не мог?.. Откуда могло возникнуть такое жуткое видение?..

– Не обращай внимания, ешь! – все также меланхолично полу шепотом – полулаем обратился к нему Митрич.

– Он всегда такой, когда принимает пищу, – вставил Веник. – В палате, на улице – нормальный парень, но в столовой... Может, его кто-то специально испугал в детстве, чтоб лучше ел?..

– Ужас, какой! – У Саши от предположения Вениамина аж аппетит пропал. Впрочем, его тарелка итак была почти пуста, да и к тому же настало время утренней прогулки, о чем

и сообщил одним мощным выкриком громадных размеров санитар, внезапно появившись в дверях столовой.

Саша предпочел мысленно махнуть рукой на последние слова Вениамина, потому как все равно чужая душа – потемки, а уж душа «душевнобольного»...

Светило солнце, переливчато ворковали птицы. Она танцевала на асфальтированной аллее возле больничного корпуса прямо в белоснежном халате, подпоясанным красной шелковой лентой, в настоящих балетных пуантах. Голову ее украшал венок из желтых, только что сорванных, одуванчиков. Ее гибкое тело извивалось в странном болезненном танце, но двигалась она совершенно – так, словно не танцевать она не могла.

Саша заворожено смотрел на странную девушку с крыльца корпуса и думал: «Эх, музыку бы... что-то вроде „Bittersweet“ Апокалиптики – только такая мелодия может подойти ее танцу!»

Сашины соседи стояли рядом и усмехались, глядя на новенькую – только Митрич улыбался одобрительно – понимающе, а Вениамин – ехидно.

– Кто это? – едва обретя дар речи, спросил их Саня.

– Девушка, – пожал плечами Митрич.

– Виллиса, – брезгливо выдохнул Веник.

– Кто-кто?.. – удивился Саша.

– Виллиса в немецких легендах – душа девушки, не дожившей до свадьбы. – Вениамин говорил таким тоном, словно это – общеизвестный факт и ему не понятно, почему новенький об этом не знает. – Ночью Виллисы в своих белых подвенечных платьях встают из могил и убивают одиноких мужчин, чтобы отомстить за свои загубленные жизни.

– Это ее имя или прозвище? – попытался уточнить Саша.

– И то, и другое, – ответил Вениамин. – Эта девушка, – он кивнул головой в сторону все еще танцующей пациентки, – балерина. Есть такой балет – «Жизель», как раз об этих самых виллисах. Так вот, она там танцевала Мирту – их предводительницу. Танцевала-танцевала, пока не убила кого-то и не сошла с ума. Потом ее судили и объявили невменяемой. А так как пуанты ей выдают только на улице, вот она и танцует.

– Почему? – Саше даже интересно стало.

– Что почему? – не понял Веник. – Почему убила, или почему пуанты выдают только на улице?

– Почему все, – засмеялся Саня.

– Пуанты выдают только на улице, потому что на них очень длинные ленты – она может на них повеситься, если захочет, конечно, а здесь полно санитаров – не дадут, – еле сдерживая раздражение, старался объяснять Вениамин. – А почему убила – я не знаю. Краем уха слышал, но точно ничего сказать не могу. Можешь попробовать у нее спросить!

– А можно? – поинтересовался Саша.

– Ну, с нами ты же общаешься... Чем мы лучше нее?.. – флегматично встрял в разговор Митрич.

Саша уже было хотел последовать совету своих новых знакомых, но рядом с их компанией объявился санитар:

– Кто здесь Александр Кириленко?

– Я, – отозвался Саня.

– К дежурному врачу. Кабинет № 18, – лаконично сообщил тот и исчез так же неожиданно, как и появился.

– Удачи! – пожелал Митрич, а Вениамин предупредил: – Поосторожней только. Не забывай, психиатр здесь – царь и бог, и если не хочешь проблем, следи за тем, что говоришь.

– Спасибо, братцы! – благодарно кивнул им Саша и направился искать восемнадцатый кабинет.

Он был обнаружен на третьем этаже в самом конце длинного коридора с белыми стенами. Саша осторожно приоткрыл дверь и просунул в щель голову:

– Можно? – спросил он седовласого старичка за столом, склонившегося над бумагами.

– Заходите, конечно, – ответил тот, окинув нашего героя изучающим взглядом. – Александр, если я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – улыбнулся Саня. Улыбка вообще была его коронным номером – она не сходила с его лица даже в самых сложных ситуациях, а тут.... Ну что здесь может случиться?

– Ну-с, молодой человек, – начал психиатр, едва Саша вошел и присел на единственный в комнате стул. – С чем пожаловали-с?

– Даже не знаю, что Вам сказать, – начал он. – Я был дома, спал. Проснулся в больнице.

– И все?.. – спокойно уточнил доктор.

– Кажется да... Как вас зовут? – Саша решил попробовать сменить тему разговора, ибо не знал о чем вообще можно разговаривать в такой ситуации.

– Простите, забыл представиться, – психиатр поднялся, выпрямился и, одновременно протягивая Саше правую руку для приветствия, сообщил: – Игорь Петрович Самойлов, врач-психиатр, кандидат медицинских наук.

– Очень приятно, – Саша слегка коснулся его руки и решил, что такого рода знакомство требует представления по всей форме. – Кириленко Александр Станиславович, системный администратор, кандидат технических наук.

– Что ж, – заключил доктор, присаживаясь на свое место, жестом предложив Саше сделать то же самое, – теперь, когда знакомство состоялось по всей форме-с, предлагаю продолжить. Вы помните что-нибудь, что могло быть причиной Вашего появления в больнице?

– Нет. Я же Вам объясняю, я заснул дома, а проснулся здесь.

– Простите, а, сколько Вы обычно времени тратите на сон? – деловито осведомился Игорь Петрович.

Саша удивился, но ответил:

– Часов шесть-восемь...

– А Вы всегда спите, не раздеваясь и сидя? – все так же спокойно поинтересовался доктор.

– Нет, а что?.. – наш герой еще больше удивился.

– А Вы можете объяснить, – невозмутимо продолжал психиатр, – почему Вы спали в таком положении двое суток и не реагировали на попытки Вас разбудить?

– К сожалению нет.

– Вы видите сны?

– Чаще всего нет.

– А прошлой ночью?..

– Нет.

– А как Вы себя сейчас чувствуете?

– Как обычно. Только вижу и слышу нечетко, как сквозь дымку, словно не спал больше суток.

– Такое состояние Вас раньше посещало?

– Утром Нового Года, – улыбнулся Саша, – после бессонной ночи и бутылки шампанского.

– А Вы что-нибудь пили, прежде чем лечь спать?

– Нет, я вообще редко пью.

– Наркотиками, сигаретами балуетесь?

– Ни в коем случае.

– Компьютерными играми-с?..

– Изредка.

– Хорошо, Александр Станиславович, понаблюдаем Вас пока. Всего Вам доброго! – доктор поднялся, протягивая пациенту руку для пожатия.

Саша попрощался почти механически – задумался... О том, почему желание спать не покидает его целое утро и почему из-за этого его нужно держать в клинике под врачебным наблюдением. По его мнению, хотеть спать – обыкновенное состояние плохо выспавшегося человека... Задумался так, что до палаты не дошел. Митрич обнаружил его спустя полчаса сидящим на полу, прислонившись к стене, в самом начале коридора.

«Видал я, как хозяева собак на руках тащат, но чтобы собаки хозяев?..» – думал Митрич, пока они с Вениамином несли не реагирующего ни на что Сашу до кровати. В его мысленном монологе эта фраза звучала тоненьким изумленным детским голоском, на манер той, из мультфильма: «Видала я котов без улыбок, но улыбку без кота!..». Он ни сколько не огорчился тому, что не является автором, а лишь подражателем и перекрутителем слов Алисы, оказавшейся на самом дне кроличьей норы – не до того было, да и не склонен был никогда. Необходимо было привести Сашу в чувства, пока дежурный врач не пришел (а вдруг?), а придумывание стремных фразеологизмов можно поручить Вениамину, раз он мнит себя писателем, а собаки этим, по определению, не занимаются.

– Кажется все, – выдохнул Веник, одновременно вытирая ладонью капельки пота выступившие от приложенных усилий на его лбу. – Какой же он все-таки тяжелый, и это с его-то комплекцией...

– Да, ничего себе, ноша, – флегматично отозвался Митрич. – Мне другое интересно: куда он все время проваливается? У него сейчас такое счастливое лицо...

– Главное чтобы его никто не видел в таком состоянии, – Вениамин вспомнил некоторые врачебные методы приведения в чувства неадекватных пациентов и поежился. – Ладно, Митрич, как будить-то будем: водой или рукоприкладством?

– Не будь таким жестоким к ближнему своему, Человек, – полуфыркнул-полугавкнул его собеседник. – Подождем немного, может, обойдется... обед он все равно уже пропустил, а до ужина еще часа три! Покажи мне лучше то, из-за чего ты сам не пообедал. Я не хотел тебя отрывать – ты так самозабвенно графоманил...

– Откуда ты слова такие берешь, Митрич? – Вениамин почти засмеялся (впервые за последние полгода, между прочим!). Взял со стола тетрадь в жутких мульташках, предварительно вытащив из него коротенький карандаш, и протянул соседу:

– Держи! Я думал, что собаки не любят читать, – заметил он ехидно.

Его сосед и не думал обижаться, а вполне беззлобно и как всегда почти равнодушно отозвался на его выпад:

– А я думал, что когда ты надевал петлю на шею после отказа очередного издателя, ты навсегда покончил с писательскими амбициями...

– Это сильнее меня, – помрачнев, пробубнил Вениамин. – Я понял, что я писатель не потому, что меня кто-то читает или издает, а потому, что я пишу. Вот.

– Может, ты сейчас еще не до конца это осознаешь, – философски заметил Митрич, – но ты принял правильное решение.

Прозвучала последняя фраза столь безапелляционно, что Веник не стал спорить, тем более что ему было интересно, как воспримет его сосед рассказ-монолог, дописанный полчаса назад.

Митрич начал читать, предварительно отвернувшись к окну, с одной стороны, чтобы видеть лучше, а с другой – чтобы Вениамин не мешал.

«Безнадежность и беспомощность – два спутника моего мира. Бессловесность и безволие – обезличенная обезглавленная картина. Я – заключенная в коконе сущность, не ведающая света и тепла. Бабочка – никогда не узнающая что значит свободный радостный полет в красочном небе. Я – все и ничто одновременно. Я есть, я был, я буду, но не здесь и не сейчас, а когда-нибудь, где-нибудь, может быть.

Я – неиспользованная возможность, незамеченный знак, несделанное открытие. В сумерках глаза мои темны и глубоки как вода в колоде, на рассвете – светлы и прозрачны. Пройти мимо меня – пара пустяков, а вот заметить – дар, данный единицам из живущих ныне.

Накинув на свое тщедушное светящееся тельце черный плащ с капюшоном, тенью блуждаю по дорогам, останавливаясь на поворотах, пока кто-нибудь не задет меня локтем и не увлечет за собой, так и не заметив соседства.

Я все и ничто одновременно.

Звезды плачут, а солнце тускнеет, едва на горизонте показывается кончик моего плаща. Цветы вянут от холода, струящегося из моего сердца на все, что имеет несчастье оказаться на моем пути. Дорога – и та съеживается от страха.

Но ведь сам по себе я – безобиден, я – ничто. Это хозяева мои – люди – делают меня тем, что я есть.

Вот к примеру, один очень добрый человек, зацепивший меня кончиком своего сапога и унесший в свой дом, всю жизнь мечтал о славе и почете. Ну, на что они ему сдались, скажите на милость? Ему было мало достатка, любящей жены и трех здоровых и красивых деток. Он возомнил себя великим поэтом всех времен и народов. Но ведь не слава делает человека поэтом, скорее, наоборот: гоняясь за признанием, можно потерять самое главное – божью искру.

Он, конечно же, благодаря моей силе получил то, чего желал всем сердцем, но равновесие было нарушено безвозвратно: книжный магазин, который он унаследовал от отца, зачах, детки его заболели, а жена ушла к другому. Все это было слишком для поэта, ибо человек этот не умел бороться. Он запил и умер в нищете, успев осчастливить мир тремя сборниками своих нетленных творений.

Творения-то действительно нетленны, а вот слава его стала посмертной. Моя ли в том вина? Не знаю. Не уверен.

Когда остывшее тело поэта выносили из дому, пробегающий мимо мальчик задел меня рукавом своей рубахи. Самым горячим его желанием на тот момент было то, чтобы его любимая мамочка выздоровела. И я стал возможностью выздоровления. День спустя в небольшой городишко, где они жили, приехал столичный хирург – он и сделал нужную операцию. Женищина осталась инвалидом до конца своих недолгих дней, но сын ее был счастлив, что она осталась жива. Успокоившись, он так и не выполнил того, для чего родился. А ведь он мог стать одним из известнейших врачей того времени... Пережив, оплакав мамину смерть, мальчик во что бы то ни стало решил бы найти лекарство от ее болезни. И у него бы это получилось! Он смог бы спасти столько человеческих жизней, если бы не зацепил меня кончиком своего рукава!..

Еще мне вспоминается один убийца, который случайно поддел меня рукояткой своего кинжала. Он был немного сумасшедший, этот мой хозяин: он жаждал крови и одновременно безумно хотел избавиться от своей жажды!

Первой его жертвой стала девушка, дочь цветочницы. Она была прекрасна как белая лилия, растущая посреди репейника. Однако красота ее могла обернуться большой бедой, если бы девушка осталась жива. В Книге Судеб ей было предназначено стать матерью одного из самых страшных тиранов в мировой истории. Не прошло бы и года, влюбился

бы в эту девушку наследный принц. Увидев ее в толпе горожан, провожающих королевский кортеж из одного большого города в другой, он женился бы на ней вопреки воле царствующей матери (она бы простила его со временем – на то она и мать!). Девушка родила бы своему любимому наследника. Повзрослев, ее сын развязал бы войну длительностью в две сотни лет для услады своего властолюбия, погубил бы не одну тысячу ни в чем не повинных людей и разорил бы ни одну страну, не заботясь о том, что люди, подвластные ему, умирают от голода целыми семьями...

Еще одной жертвой моего хозяина стал юноша, двадцати лет от роду.

Он возвращался ночью от богатой престарелой дамы, нуждающейся в ласке его юного тела. Хозяин не хотел его убивать. Юноша безумно испугался, увидев в руках прохожего лезвие ножа, бросился бежать со всех ног и вопить во всю свою молодую глотку. Он мог разбудить полисмена, и тогда хозяина ждала бы казнь – у него просто не было иного выхода.

Хотя, на мой взгляд, это не слишком большая трагедия. Юноша этот сластолюбив был без меры. Через пятнадцать лет, он, сменив больше сотни любовниц, довел бы до самоубийства юную девушку из бедных кварталов по имени Роза. Роза бы влюбилась в него с первого взгляда, потому что красив и статен был этот юноша как Адонис. Он бы воспользовался ее наивностью, устав ласкать тела престарелых нимфоманок, а потом сдал бы за ненужность в один из процветающих Домов Усад столицы. Роза не смогла бы вынести позора и отравилась бы крысиным ядом в первую же ночь. Но, хозяин подарил неведомой ему девушке, которая в этот момент только ходить училась, другую судьбу. Роза выросла, стала женой богатого любящего мужчины и построила первый в городе сиротский приют и еще несколько таких приютов в городах поменьше.

Последней жертвой моего хозяина стал старый брызга – полисмен, единственной страстью которого было вылавливать ночью на улице молодых мальчиков и превращать их в свое развлечение, а затем сажать в тюрьму до тех пор, пока они не сойдут с ума от позора и одиночества. Как раз когда хозяин избавил город от этого нелюдя, даже не подозревая об этом, его и охватил приступ мук совести. Я стал его возможностью прощения и искупления... Хозяин мой принял постриг и стал настоятелем монастыря, в его душе с тех пор царит мир и покой.

Но кто знает, правильно ли это?..

Еще один мой хозяин был рожден очень бедными родителями, поэтому как никто в мире желал стать богатым. Ему казалось, что деньги решают все проблемы на свете и даже от смерти можно на некоторое время откупиться. Он был необычайно талантлив, но он так никогда и не узнал об этом. Хозяин собирался бежать из дому в день своего семнадцатилетия, дабы попытаться найти свое счастье на далеком континенте. Он бы сел на корабль, познакомился с одним из величайших теноров того времени, который, обнаружив талант мальчика, стал бы его учителем и поводырем в жизни. Но за день до своего семнадцатого дня рождения он случайно зацепил меня на том перекрестке, где я остался, проводив бывшего убийцу до ворот монастыря, потому как ни одна церковь в мире не подпускает таких как я ближе, чем на десять метров.

Я стал его возможностью разбогатеть так быстро, как он хотел. Не без моей помощи он нашел кошель с деньгами, купил себе сначала бакалейную лавку, затем мясную и разорившийся книжный магазин, затем он вложил заработанные деньги в банк, немного позже купил этот самый банк, а, подзаработав, купил еще несколько. Он пошел по пути непредназначенному ему, стал несчастным и подозрительным, ведь страх потерять все заработанные деньги не давал ему даже спать спокойно, не то, что заниматься самоанализом. Он был одинок – у него не было ни одного друга. Никогда не был женат – хозяин до дрожи в коленках боялся что женищина, которую он подпустит к себе близко, обязательно

избавиться от него, чтобы завладеть его деньгами. Хозяин умер тогда, когда его паранойя дошла до абсурда – от обычной простуды – в страхе оттого, что любой человек, которого он попросит о помощи, воспользовавшись его слабостью, присвоит себе все его богатство...

Если бы я снова стал человеком, но с теми знаниями, которыми я сейчас обладаю, я, наверное, смог бы исправить причиненный собой же вред. Но я всего лишь Возможность. Ничто и все одновременно. Я подчиняюсь воле своих хозяев, а не своей собственной, потому что собственной воли меня лишили несколько столетий назад.

Оставив свое тело разлагаться в свежевырытой могиле, я был призван Судом Богов. Мой ангел-хранитель защищал меня, как мог, но приговор Высших Судей был однозначным: за то, что единственную данную мне земную жизнь бездарно и бессмысленно потратил, я наказан тысячеletием скитаний по чужим судьбам.

Впрочем, срок этот уже подходит к концу. Что меня ждет дальше?.. Не знаю. Представления не имею. Слышал от братьев, ночных странников по дорогам Судеб, что Боги дают немногим из нас возможность прожить еще одну человеческую жизнь. Не всем, конечно.

Было бы отлично, если бы это было именно так. Свою последнюю попытку – жизнь, я больше не пустил бы коту под хвост. Я бы любил и творил. Я бы читал и познавал. Я бы радовался каждому вдоху и каждому глотку чистой воды. Я бы меньше ел, но больше наслаждался бы процессом. Я бы жил в горах и наблюдал каждое утро как из-за них медленно поднимается красноватый солнечный диск. Не примял бы ни одной лишней травинки. Не убил бы лишнего ни одного насекомого. Не обидел бы зря ни одного человека. Я научился бы дружить. Я бы встречал каждое новое утро с улыбкой ребенка и влажными звездами благодарности в глазах. Я создавал бы прекрасные вещи и дарил их каждому проходящему мимо моего дома. Я бы любил жизнь и ценил бы то, что она дает мне...

Я бы ЖИЛ...»

– Да уж, – выдохнул Митрич. – Герой твоего монолога в сто раз мудрее своего создателя!

– Почему это? – встрепнулся Вениамин.

– Он, в отличие от тебя, знает, что в жизни ценно, а что – суета сует. Одного не могу понять... Как такое может быть?

– Что именно?.. – Вениамин устало откинулся на подушке.

– Писать такие вещи и обрывать собственную жизнь из-за того, что твоя книга «не вписалась в формат» всего трех издательств...

– А... – протянул Веник. – Все просто... Это писал не я!

Митрич аж рот (простите – пасть!) приоткрыл от удивления. В глубине души он был уверен, что его уже ничем не проймешь, а тут... Он адресовал Вениамину свой коронный многозначительный взгляд:

– Как это?

– А вот так, – развел руками Веник, – иногда, очень редко, во мне появляется кто-то второй, нашептывает мне нужные слова прямо в уши. Нет, даже не так... Не знаю как объяснить... В общем, слова пишутся как бы сами собой, понимаете?..

– Нет.

– Это выглядит так, как будто мысли – не мои, а кого-то совершенно отличного от меня, на время поселившегося у меня в голове, а я только записываю за ним...

– Я думал это называется вдохновение, – заметил Митрич и усмехнулся.

– Ага, как же! Вдохновение это другое... А тут... Такое ощущение, что некоторые книги хотят быть написанными, а некоторые нет. Сколько раз такое было, когда я начинал

что-то и тут же бросал – не идет и все тут! А иногда, пишу двадцать – тридцать страниц в день, так, что аж клавиатура дымиться! Не задумываюсь ни над сюжетом, ни над планом написания, все происходит словно само собой. Не знаю, как еще объяснить...

– Не знаешь, и не надо, – Митрич говорил очень тихо, надеясь, что сосед услышит его не ушами, а сердцем. – Знаешь... думаю о некоторых вещах нельзя говорить вслух, они от этого могут сгнить как осенние листья и исчезнуть... так что пиши свои книги молча и не удивляйся, откуда что берется. А то не исключено, что в один прекрасный день ты проснешься и больше не сможешь написать ни строчки, – Митрич демонстративно поплевал через левое плечо и постучал по спинке кровати. – Окажется, что твои догадки верны, но ты этому вряд ли обрадуешься.

– Ужас, какой! – Вениамин, проникшись словами соседа, содрогнулся. – Впору бить челом три раза в день возле изображений сразу всех известных человечеству богов, только чтобы твое пророчество не свершилось!

– Какое именно? – бодро спросил Саша, только что открывший глаза и пытавшийся понять, о чем разговаривают его новые знакомые.

– Явление Христа народу! – всплеснул руками Веник. – Слава Аллаху ты очнулся самостоятельно, мы тут головы битый час ломаем, как бы так привести тебя в чувства и не покалечить! Ты где был-то?

– Не знаю. – Саша рассмеялся, одновременно извинительно пожав плечами. – А что?

– Интересно просто. Куда ты вечно пытаешься сбежать из этого прекрасного мира?.. – Задавая свой вопрос, Вениамин многозначительно провел рукой в воздухе.

– Сарказма тебе не занимать, – улыбнулся Саня.

– Ну и не занимай, просить буду – не давай! – буркнул Веник, а, смягчившись, добавил: – И все-таки? Ты так внезапно отключаешься... Засыпаешь?

– Да вроде бы нет. Засыпаю я всегда постепенно. Медленно распахиваю объятия своим любимым сновидениям... Иногда они даже принимают приглашение, за что я им безмерно благодарен.

– Да ты поэт!.. – почти уважительно протянул Вениамин.

– Ага, я – поэт, зовусь я Цветик, от меня вам всем приветик! – смеясь, процитировал Саша, чем заставил улыбнуться не только заинтересованно молчащего все это время Митрича, но и Вениамина, вообще не склонного испытывать положительные эмоции чаще, чем три раза в год. – А если серьезно, я не знаю как ответить на твой вопрос.

– Ладно, проехали. Может прогуляемся? Душно здесь как-то... – предложил Вениа.

– Прогуляйтесь, прогуляйтесь! – Митрич одобрительно покачал головой.

– А то щебечете над ухом, поразмышлять о жизни не даете!

Веник медленно поднялся с кровати, накинул куртку, помог встать Саше и они направились к дверям. В дверях Саня обернулся:

– Может быть, и вы с нами?

– Позже, – отмахнулся Митрич. – Мне кое-что сделать нужно.

Когда за молодежью закрылась дверь, Митрич облегченно вздохнул и уткнулся в тетрадь с рассказом Вениамина. Все дело в том, что до недавнего времени Антон Дмитриевич был редактором в литературной газете. Сам он плохо помнил собственную биографию до момента «перемены биологического вида» и дальнейшей обработки любопытными пришельцами, однако некоторые фразы в монологе, написанном Веником, уж слишком резали глаза, и ему не терпелось исправить погрешности. Этим он и занялся, можно сказать, «на досуге».

Глава 4

Веник с Саней медленно прогуливались по парковой аллее. Разговаривать, этим двоим, было особо не о чем, но молчать вместе было приятно. Человеку всегда есть о чем помолчать в хорошей компании. Саша, например, вспоминал грустную танцовщицу, от созерцания которой его так некстати оторвали утром, а Вениамин, размышлял над фразой Митрича о том, что о некоторых вещах лучше воздержаться говорить вслух. До сих пор ему казалось, что суть писательства в том, чтобы развлекать или заставить думать и чувствовать, доносить собственные мысли до читателя и тем самым находить единомышленников среди моря бесполезных знакомств, но сейчас... Ему вспомнился эпизод из «Мастера и Маргариты». До сегодняшнего дня он не слишком пытался понять, что имел в виду Михаил Булгаков:

«... – Так Вы – писатель? – с интересом спросил Иван Бездомный.

Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком:

– Я – Мастер...»

Почему-то именно в эту минуту Веник со всей ясностью осознал: писателей много, а Мастер – один на всю Вселенную. Возможно ли, что все без исключения книги диктуются одним и тем же непостижимым существом, а писатели – на то и писатели, чтобы за ним записывать?

В общем, у Вениамина была серьезная тема для размышлений. Он не сразу заметил, что его молчаливый собеседник – Саша, уже не идет с ним рядом, а безвольно и как-то очень театрально съезжает на асфальт, но все-таки в последний момент он успел подхватить товарища и аккуратно усадить на скамейку.

– Горазд ты людей пугать! – выдохнул Веник, вытирая рукавом вспотевший лоб.

– Ты прав. Я что-то слишком часто вырубаясь последние несколько дней – раньше за мной такого не водилось.

– На этот раз у тебя совсем кратковременная отключка. Одна – две секунды, для тебя – все равно, что олимпийские игры выиграть. Может быть, ты выздоравливаешь?..

– А разве я болен? – рассмеялся в ответ Саня.

Этот повод для спора – всем поводам повод. Мало кто из находящихся в клинике, по лично проведенному Веником опросу в первые же дни пребывания, считает себя сумасшедшим. Но спорить с новеньким он не стал – смысла не видел. Тем более взгляд Сашин из-под полуопущенных ресниц стал мечтательным и томным. Проследив направление, Вениамин увидел Виллису. «Кто бы сомневался...» – вздохнул он, а вслух сказал:

– Может, все-таки подойдешь к ней, раз уж эта ведьмочка тебя приворожила своими танцами?.. Врага надо знать в лицо!

– Веник, что ты говоришь? Какого врага? Ну, сам подумай, как она могла меня приворожить? Просто в ее танце такая безысходная печаль и обреченность, аж мурашки по коже. Но вместе с тем он – волшебство, просто какое-то грустное. Поэтому и подходить я к ней не хочу – чудо можно осторожно созерцать, но лезть к нему голыми руками... Обидится, исчезнет – ищи его потом!..

Вениамин так удивился, тому, что Саня почти в точности повторил слова Митрича, что на секунду потерял почву под ногами и дабы не упасть, медленно опустился на скамейку рядом с ним.

Юноши еще около получаса наблюдали как Виллиса порхает над землей печальной бабочкой-капустницей. Веник никак не мог понять, что нашел его товарищ в ее диких телодвижениях, а Саня не мог уразуметь, как можно столь пренебрежительно относиться к танцам вообще, и к тому волшебству, случайными свидетелями которого они стали, в частности. Впрочем, спорить они не стали.

Через тридцать минут их позвали ужинать, после – разогнали по кроватям и отключили свет. Саша решил, что с таким, почти санаторным, графиком вполне можно смириться, тем более что он несколько лет подряд не был в отпуске.

Будущее его нисколько не пугало – он был уверен в том, что его отключки проистекают из обыкновенной человеческой усталости, а не являются симптомом, следовательно, думал он, в понедельник его обследуют и отпустят домой. Засыпал он с умиротворенной улыбкой на устах и снился ему печальный танец прекрасной Виллисы.

Глава 5

Митрич проснулся на рассвете. Накинул плед на плечи Веника, который уснул пару часов назад, не удосужившись даже встать из-за стола, а просто уронив голову на свою тетрадку. Поднял с пола упавший карандаш. Бросил быстрый взгляд на Саню, безмятежно улыбающегося во сне.

Самочувствие «ризеншнауцера» этим утром оставляло желать лучшего: суставы ныли как после тщательной трехчасовой физзарядки – с некоторых пор его тело перестало быть приспособленным к ровному горизонтальному лежанию на кровати. Митрич лег на пол, предварительно скинув с кровати одеяло, свернулся клубочком и задремал.

Разбудил его легкий шорох – Вениамин наконец-то решил перебраться на кровать. «Оно и правильно!» – лениво подумал Митрич, вытянув перед собой лапы, чтобы немного размять их.

– Время принимать лекарства! – открыв двери, гаркнула медсестра Людочка.

Вениамин приоткрыл один глаз и глянул на циферблат наручных часов.

– Восемь утра. Совесть есть? – буркнул он в пустоту, ибо Людочкин крик доносился уже из соседней палаты.

Присев на кровати, Веня огляделся. Митрич зашевелился где-то в ворохе из одеяла и простыни, куда он закопался по самые кончики ушей, Саша тихонько сопел и блаженно улыбался.

– Везет же, некоторым... Ладно, днем выплюсь, – пробормотал он, ополоснул лицо вонючей ледяной водой из крана и вышел в коридор за очередной «дозой».

Не прошло и минуты, следом вышел Митрич. Подошел к Венику, стоящему в конце живой очереди, начинающейся от стола дежурной медсестры, где на подносе стояли махонькие стаканчики с таблетками и водой.

– Ты что, все еще принимаешь лекарства? – прошептал Митрич на ухо писателю.

– А ты что, нет? – шепотом переспросил тот.

– Тихо. – «Ризеншнауцер» приставил палец к губам. – Не дай бог, прознается кто!.. Бросай ты это дело, мальчик! А то, не ровен час, превратишься во что-нибудь подобное! – Митрич указал на пациента, идиотски-равнодушно пялящегося в одну точку.

– А как? – все так же шепотом поинтересовался Веня. – Они же чуть ли не пальцами в рот залазят, чтобы проверить!

– Эх, всему тебя учить надо! – наклонившись к самому уху Вени, попытался объяснить Митрич. – Берешь таблетки, быстро одним движением языка заталкиваешь их за верхнюю губу. За верхнюю – понял?! – тогда, даже если они действительно пальцами в рот залезут, все равно ничего не найдут. Потом выпиваешь глоток воды и бегом в палату, выплевываешь в раковину, сливаешь воду и поминай, как звали! Понял, лузер?

– Спасибо, – только и успел ответить Вениамин. Подошла их очередь – тут уж не до крамольных разговоров.

Вернувшись в палату, Веник сплюнул капсулы, как поучал Антон Дмитриевич, и открыл воду. Еле успел. В комнату заглянула Людочка и подозрительно зыркнула на дно раковины. Стараясь ничем себя не выдать, Веня притворно равнодушно плеснул себе на лицо воды и закрыл кран. На прощание медсестра одарила его таким тяжелым взглядом, что в пору было съежиться и вратиться в землю на полметра, но Вениамин глубоко вздохнул, вытерся и, наконец, расслабился.

– Фууух, пронесло, – пробормотал он, когда за Людочкой закрылась дверь.

– Привет, – лениво протянул Саша.

– Дружище, еще пару часов, и ты смело мог бы считать себя гинесовским рекордсменом по количеству часов, проведенных во сне! – отрапортовал Веник.

– А где Митрич?

– Где-где... Там, куда все люди обычно почитать ходят!

– Понятно, – рассмеялся Саша и принялся одеваться. – Что у нас на завтрак? Я голоден как гладиатор после боя.

– Судя по запахам с первого этажа – манка! – фыркнул Митрич, как раз появившийся в дверном проеме.

– Фу гыдота, – поморщился Веник.

– А я люблю манную кашу, – улыбнувшись, заметил Саня, окончательно закрыв тем самым тему. – Кстати, что это за слово такое «гыдота»?

– «Гадость» по-украински, разве не понятно? – буркнул Веня, а Митрич с Сашей дружно рассмеялись.

Спустя несколько минут наша компания спускалась в столовую. Гадость – гадостью, а до обеда – четыре часа. И если другие пациенты могли перебиться тем, что им приносят родственники, то ни Митрича, ни Вениамина, уже давно никто не проводывал. А Саша только начал разбираться в том, что здесь, в клинике, являлось первой необходимостью, а что вообще было не нужно.

После завтрака Саня подошел к дежурной медсестре и попросил дать ему возможность позвонить.

– Не положено! – грозно хмуря брови, ответила Людочка.

«Почему Людочка? Это же Людище!» – подумал Вениамин, наблюдавший за этой сценой чуть поодаль, а вслух сказал:

– Людочка, милая (какая ж она милая – злобный шкаф в белом!), понимаете, какое дело... Сашу привезли сюда даже без самых необходимых вещей. Без зубной щетки, сменного белья, бритвы, в конце концов, а мобильный у него отобрали. Вот что теперь ему делать?

Саша, мило улыбнувшись, галантно поцеловав ей руку, продолжил:

– Я только сестричке двоюродной, Оле, которая у меня живет уже месяц, позвоню, попрошу привезти все необходимое и все. Честное слово!

– Ладно, – буркнула медсестра. И добавила, погрозив пальцем: – Бритва только одноразовая и только в количестве одна штука! У тебя пять минут!

– С меня огромная коробка шоколадных конфет! – смеясь, поблагодарил благодетельницу Саша.

Слава богу, его сестра была дома. С другой стороны, где ж ей быть-то? Ольге предстояли вступительные экзамены в мединститут, именно поэтому она приехала из деревни в город. Она и в прошлом году две недели жила у Саши по этому же поводу, но не поступила и вернулась домой, поэтому сейчас она как сумасшедшая зубрит физику, и носу из дому не показывает.

– Обещала приехать вечером, – объявил Саня, закончив разговор, и обратился к Людочке: – Еще раз большое спасибо!

– Конфеты не забудь! – бросила она вслед удаляющимся пациентам.

– Прогуляемся? – спросил Саша у Вени.

– Придется, – вздохнул тот. – Вон, видишь, санитар? Вася. В свою смену он никому спуску не дает, следит, чтобы режима придерживались. Они с Людочкой – сладкая пара: Церберы, при них даже чихать – чуть ли не подсудное дело!

– Весело, – улыбнулся Саня.

– Тебе завтра будет весело, когда врачи придут и начнут тебя обследовать, – пробурчал Веник.

– Да ладно, будет – как будет, – Саша неопределенно махнул рукой и первым вышел на крыльцо корпуса. Начал оглядываться по сторонам в поиске Виллисы – тщетно.

– Я видел, к ней родственники приехали. Мать с сестрой, – не дожидаясь вопроса, сказал Веник. – Суббота и воскресенье – приемные дни, в будни сюда не пускают.

– Ясно.

– Хочешь в шашки сыграть? – поинтересовался Веня, доставая миниатюрную доску из кармана ветровки.

– Давай! Что еще здесь делать?.. – рассмеялся Саша. – Так приятно почувствовать себя пенсионером, когда тебе тридцать и впереди еще пол жизни!

Пациенты присели на одну из лавочек без спинок, выкрашенных в странный серо-зеленый цвет. Веня медленно, с точностью до миллимента, раскладывал шашки. Когда он поднял голову и посмотрел на Сашу, обнаружилось, что партия накрылась медным тазом: новенький сидел как китайский болванчик, скрестив ноги и улыбаясь до ушей, но при этом в этом мире его точно уже не было. Веник вздохнул и быстрым шагом побежал искать Митрича, потому что если санитар увидит Саню в таком состоянии, то... Не дай бог, короче!

Митрич обнаружился под цветущей яблоней – вылизывал языком шерсть на руке.

– Помощь твоя нужна, – обратился к нему Веник, брезгливо поморщившись.

– Что опять?..

– Ага! Все чаще и чаще. Двух часов не прошло как проснулся, и снова!

И в каких облаках он витает?..

«Ризеншнауцер» подошел к одному из прогуливающихся пациентов – Костику, уже почти излечившемуся бывшему наркоману.

– Костян, отвлеки Василия, будь человеком! – пошептал он.

– А что?

– Потом.

– А, понял! – широченно улыбнувшись, прогундосил Костя. Затем он без лишних слов отбежал на десять метров, кинулся на землю, схватился за голову и начал кричать диким голосом. Орать, если быть точной.

Василий сорвался со своего поста и бросился к бывшему наркоману. Пока он осматривал пациента на предмет наличия ушибов на голове или еще каких-нибудь телесных повреждений, Митрич с Вениамином осторожно, стараясь не привлекать внимание, держа Сашу подмышками с обеих сторон, проскользнули в корпус.

Санитар же быстро понял, что его разыгрывают, и погрозил Костику здоровенным кулаком:

– Не будет тебе дозы, понял? Тебе ж на свободу через неделю – дурак, что ли?

– Прости, брат, – Костик поднял обе руки в знак того, что сдается. – Больше не буду, честно!..

Когда вечером пришла Ольга, Саша все еще находился в этом странном блаженном ступоре. Вениамин кое-как объяснил заглянувшей в палату Людочке, что Саня всю ночь не спал. Медсестра недоверчиво пожала плечами, но разрешила девушке пройти в палату. В

конце концов, пока врачи не выдали другого распоряжения, некоторых больных разрешалось проводить прямо в палате – и кто им лекарь, если они при этом спят?

Ольга просидела возле Сашиной постели около часа. Плакала, держала его за руку, а Митрич с Вениамином ее утешали.

– Он два дня подряд находился в таком состоянии, – всхлипывая, призналась девушка пациентам. – Я не сразу решилась позвонить в скорую, думала, устал человек, спит сидя, с кем не бывает...

– А других странностей вы за ним не замечали? – спросил Веник.

– Неа, – вытирая глаза платком, ответила Ольга. – Ладно, пойду я. В этих кульках все, что он просил – фрукты, вещи, я печенье испекла. Вы угощайтесь, только Сашке, оставьте, хорошо?

Митрич кивнул, а Веник поднялся и пошел провожать девушку до выхода, на бегу всучив Людочке коробку конфет.

– Если так будет продолжаться и дальше, у Саши могут быть серьезные проблемы... – покачал головой Антон Дмитриевич «Ризеншнауцер»...

Глава 6

Обследование Саши, начавшееся прямо с утра в понедельник, очень быстро зашло в тупик: ни палатный психиатр Сазонов, ни психотерапевт Зорин, ни их коллеги по цеху, в течение недели так и не выявили у него никаких отклонений. Объяснить, почему время от времени пациент «отключался», никто из них так и не смог, потому как в периоды бодрости, адекватнее человека, чем Саша, сложно было найти, и не только в пределах клиники.

Врачи, тем не менее, поставили под вопросом диагноз «маниакально-депрессивный психоз» (надо же от чего-то лечить), определили несколько этапов терапии, а Митрич с Веником, в свою очередь, подробно объяснили Саше стратегию и тактику борьбы с ней, поэтому наш герой со счастливой легкостью мотылька перелетал из одного нового дня в другой, ни сколько не задумываясь о пользе и вреде собственного существования в клинике.

Саня вообще редко размышлял о подобных вещах – он был из того редкого типа людей, которые воспринимают жизнь как веселую игру, это – маленькие дети в теле взрослого человека – наиболее счастливейшие из представителей человеческого рода. Вот и проживание в стенах психлечебницы он воспринимал всего лишь как экстремальный вид отдыха или экзотический способ провести отпуск, только и всего.

В конце недели, в пятницу, Веник влетел в палату с неестественной для него обворожительно-мечтательной улыбкой на лице.

– Меня выписывают, – сообщил он. – Завтра. Николай Павлович прочитал мои последние рассказы, пообщался со мной на разные темы, я ему торжественно обещал, что выкинул свои суицидальные мысли далеко за пределы галактики, и вообще решил написать роман, и вот...

– Поздравляю, дружище, – рассмеялся Саша, а Митрич похлопал его по плечу и подозрительно прищурившись, спросил: – А ты их действительно выкинул?..

– А что, я похож на психа? – хитро улыбнулся Веник и все трое облегченно расхохотались.

Утром Саша с Митричем под зорким надзором санитаря, провожали Веника до ворот клиники.

– Мне будет не хватать тебя, Венька! – крикнул Саня ему вслед.

– Я приду. В следующие выходные, – бросил Вениамин на прощание, закрывая дверцу такси.

– Надеюсь, он сам верит в то, что говорит! – заключил Митрич. – Я бы на его месте постарался бы как можно быстрее забыть все, что связано с этими стенами.

– Да уж, – вздохнул Саня. – Пошли, Митрич, один ты у меня остался! Или один я у тебя?... А, без разницы!

На этот раз смеялись они только вдвоем.

Скучно было Саше без молчаливого скептика Вени – Митрич людей сторонился, общался только по необходимости, а, выходя на улицу, старался убежать как можно дальше, хоть санитары такого рода действия и не слишком позволяли, а общаться с другими пациентами Саня почему-то не решался. Только наблюдал. Где-то на задворках его сознания, очень глубоко, существовала уверенность, что безумие – заразно. И не потому, что оно – противостоит естественно человеческой природе, а как раз наоборот – Саня верил, что любое порождение человеческого разума оправдано и обосновано особенностью человека и его (человека) собственной реальностью, даже если это галлюцинации. Иными словами, если человек видит или слышит что-то не то – значит, это – существует, по крайней мере, для него, потому что именно ему это для чего-то нужно: для защиты, компенсации, обороны...

Лишь раз он изменил своему неписаному правилу – уж очень интересный случай нарисовался. Саня сидел на скамейке возле корпуса и любовался танцующей Виллисой, его отвлек шум на крыльце корпуса. Два санитары пытались вытолкнуть на улицу юношу, со всколоченными в разные стороны рыжими вихрами и яркой выраженной паникой на лице. Он отбивался так, что на лицах и руках санитаров были видны свежее испеченные кровоподтеки. Однако стоило им только выволочь парня на улицу и посадить на соседнюю скамейку, парень успокоился, выдохнул облегченно и лег, раскинув руки, не обращая больше ни на что внимания.

– Ты чего, брат, буянил? – спросил его Саня. Ему было так любопытно, что он просто не смог сдержаться. Хотя и не был уверен до конца, что юноша ему ответит.

– Понимаешь, – парень приподнялся на локтях, улыбнулся и пустился-таки в объяснения. – Я объясняю этим чудакам уже третий день...мне нельзя проходить сквозь дверные проемы и открывать двери!

– Почему? – удивился Саня.

– Я могу попасть в другой мир и никогда не вернуться! – шепотом поведал ему юноша. Внезапная догадка, заставила Саню весело рассмеяться:

– Ты что Макса Фрая² перечитался, дружбан?

– А что? – подозрительно сощурившись, спросил его собеседник.

– Если ты внимательно его читал, ты должен знать, что только дверь, открытая в темноте и с закрытыми глазами, может стать дверью между мирами. Ты же пока не такой продвинутый Вершитель, как сэр Макс, чтобы путешествовать через Хумгат³ словно в другую комнату, поэтому, думаю, что тебе нечего бояться.

– Слушай, а ведь ты прав, – через какое-то время облегченно вздохнув, согласился юноша. – Действительно. Спасибо, брат!

– Ну что, пошли попробуем? – улыбнувшись, поинтересовался Саня. – Не бойся, если что, будем пропадать вместе!..

Санитар Василий недоуменно наблюдал, как два пациента зашли, держась за руки в корпус, а затем, медленно передвигаясь по этажу, открывали все возможные двери (это был технический этаж – столовая, кладовая, приемное отделение): входили, через минуту выхо-

² Макс Фрай – псевдоним писательницы Светланы Мартынчик. Так же Макс Фрай – имя главного героя серий «Лабиринты Ехо», «Хроники Ехо» и книг о накхах.

³ Хумгат – коридор между мирами (Макс Фрай, серия «Лабиринты Ехо»)

дили... Вася был изрядно озадачен тем фактом, что Юрка, так звали юношу, без разговоров и скандалов доверяет своему «проводнику». Он благоразумно решил не мешать пациентам развлекаться. В конце концов, какое ему дело до того, как они проводят время прогулки, лишь бы не буйнили и не пытались сбежать. Впрочем, из этой клиники сам черт не сбежал бы!

На второй неделе своего вынужденного «прогулочного» одиночества, Саша таки решился заговорить с Виллисой. Она устало опустила на скамейку, чтобы снять пуанты и надеть обыкновенные мягкие туфли без каблучков. Он присел рядом и, видя, что балерина не отодвигается и не пытается сбежать, поздоровался:

– Привет, – тихо сказал он.

– Я вас не знаю, – не глядя на него, ответствовала девушка.

– Я тоже вас пока не знаю, но чем это не повод, чтобы познакомиться?

– Зачем? – все так же глядя перед собой, спросила она.

– Разве вам не грустно здесь, одной?

– Нет.

– А мне грустно, моего друга выписали больше недели назад, теперь мне совсем не с кем поговорить...

– И вы не нашли ничего лучшего, чем начать приставать ко мне, да? – первый раз Виллиса посмотрела прямо в лицо Саше. В ее глазах искрилась такая ярость, что он на некоторое время потерял дар речи.

– Я... не...

– Что? – спросила она, с вызовом глядя на Саню.

– Ваши танцы... завораживают!.. Я совсем не хотел обидеть вас или разозлить. Просто поговорить... простите, если я вам помешал, – Саня поднялся и решил отойти от греха подальше.

– Постойте, – тихо попросила Виллиса и схватила его за руку, чтобы удержать. – Ира, – представилась она.

– Саша.

– Это все Мирта, – скороговоркой зашептала Виллиса, – она ненавидит мужчин. И убивает каждого, кто приблизится ко мне.

– Почему?

– Она пытается меня защитить...

– От мужчин?

– От боли. До сих пор все мои любовники не оставляли мне ничего, кроме боли. Они считали своим законным правом истязать меня физически и морально... Пока не появилась Мирта. Теперь двое из них за решеткой, а один в могиле. Я стала сильной и перестала бояться, потому что ОНА... она всегда рядом!

– А если появиться кто-нибудь, кто не станет вас мучить, а будет любить?

– Я не верю в любовь. Ее нет.

– Вас никто никогда не любил?

– И я никого не любила. Не смогла.

– А родители?

– Родители в особенности. Иначе они бы не бросили меня подыхать на улице. Если бы меня не подобрала директриса хореографического училища, моя жизнь окончилась бы еще той зимой, двенадцать лет назад. А теперь уходите, Мирта возвращается, я чувствую. Уходите, слышите!.. – Виллиса отвернулась. Ее руки дрожали, а плечи слегка сотрясались, так, словно она беззвучно плакала.

– И все-таки любовь – есть и вам еще предстоит в этом убедиться, я уверен! – шепнул Саша на прощание, наклонившись к самому уху Иры, и двинулся в сторону корпуса.

Отойдя на несколько метров, он оглянулся – Виллисы на скамейке не было.

Митрич ждал Саню в столовой. Едва юноша появился в дверях, он привстал и приветливо помахал ему рукой... то есть, конечно, лапой.

Саня решил, что раз уж сегодня такой странный день, то можно попробовать разговаривать с Антоном Дмитриевичем. Раньше ему просто не приходило в голову интересоваться биографией соседа, но после разговора с Виллисой...

– Сегодня отбивные, – отрапортовал Митрич, когда Саша присел за столик, и мечтательно прорычал: – как всегда недожаренные. Знал бы ты, какое это счастье!

– Не сомневаюсь, – рассмеялся тот. – Митрич, скажи, давно ты в клинике?

– Если ты имеешь в виду этот раз, то пятую неделю.

– А что, были и другие? – заинтересовался Саша.

– Уже три года с поразительной периодичностью, – прогавкал «ризеншнауцер» и вяло улыбнулся. – Живу один – хозяйка умерла. Как станет скучно, покусая кого-нибудь слегка и снова сюда.

– Подожди, ты хочешь сказать, что специально кусаешь прохожих? – удивился Саня.

– Только вредных. Нормальных людей я не трогаю, – гордо вскинув подбородок ответил Митрич. – Хозяйка очень злилась, если я даже рычал на того, на кого не следует.

– Хозяйка?! Хм...твоя жена?

– Какая жена, ты что, мальчик, с дуба рухнул? – прорычал Митрич, а Саня, никогда не видевший, чтобы его сосед злился или проявлял агрессию, так удивился, что застыл, не донеся ко рту вилку с кусочком мяса. – Где ты видел, чтобы у собак были жены?!

– Действительно, прости! – сказал Саня, а про себя подумал: «Что это я сегодня перед всеми извиняюсь?..»

– Да ладно, мальчик, проехали.

Сейчас, когда Митрич наконец вернулся к своему обычному приветливо-флегматичному тону, Саня попробовал задать ему еще один вопрос.

– Митрич, если ты – собака... то есть, извини... я хотел спросить – а как получилось, что сейчас ты выглядишь как человек и умеешь разговаривать?

Митрич задумался – никак не мог решить для себя, открывать ли полу знакомому человеку свою главную тайну или нет. В конце концов, он пришел к выводу, что не такая уж это тайна, и не такой уж Саша незнакомец...

– Инопланетяне, ироды! – начал он. – Служил я редактором в литгазете, человеком был. Это я помню, правда, очень плохо. Живу себе, никого не трогаю... однажды утром, просыпаюсь в парке на лавочке... собакой. Красивой такой – ризеншнауцером с длинными ногами, короткой рыжевато-коричневой шерстью... в зеркале в магазине увидел. Где обитал до этого, вспомнить не могу. А город-то большой. Тынялся по улице, пока не подобрала меня какая-то женщина. Пожалела, откормила. А потом умерла. Родственники ее выкинули меня на улицу, а квартиру продали. Поселился в картонной коробке возле супермаркета, грузчики подкармливали иногда. Хорошо так жилось, свободно!.. Дождался лета. А потом... Бегу я однажды по лесу. Свет, очень яркий свет, и теплый – чуть шерсть на макушке не задымилась. Поймали ироды, опыты проводили, вкололи какую-то прозрачную дрянь и вот!.. Сам видишь! Собака-человек! Ни то, ни се... Эх...

«Странно, – подумал Саня, – все так запутанно. То человек, то собака, то человек-собака... Брр... Конечно же Митрич – человек, просто несчастный, никому не нужный, сдвинулся от одиночества, вот и выдумает! А с другой стороны, а вдруг?..

Что вдруг?.

С ума я схожу что ли?.. Самое время, конечно, где же еще сходить с ума, как не в сумасшедшем доме?»...

– Ладно, мальчик, не бери в голову! – улыбнулся Митрич, прервав тем самым его размышления. – В конце концов, стать человеком – не самое страшное, что может приключиться с собакой!

Да уж!..

Глава 7

Близился вечер одного из дней, чей бег совершенно не ощутим в стенах клиники. Митрич битых три часа наблюдал за Сашей. После завтрака, зайдя в палату за ветровкой, тот в очередной раз впал в «радостную медитацию» и до сих пор не пришел в себя. Сидит себе на кровати, улыбается безмятежно. Ризеншнауцер ему даже немного завидовал. Сам он был по-настоящему счастлив только те три года, которые был не-человеком. Сейчас он только вздыхал по бродячей жизни, не связанной ни с какими правилами и условностями. К тому же к собакам, люди относятся лучше, чем к себе подобным – было ведь с чем сравнивать! Помотав головой из стороны в сторону, чтобы прогнать грустные мысли, Митрич вышел прогуляться.

Уже на крыльце, хорошенько принюхавшись, он учуял знакомый запах. Ему пришлось вернуться в корпус, чтобы найти его обладателя. Веник сидел в приемном покое и ждал разрешения подняться в палату к своим бывшим однокашникам. Дежурная медсестра была тетка очень дотошная – Вениамину пришлось ждать около часа, пока она закончит с формальностями. И если бы не Митрич, ворвавшийся в приемную как ураган, ему было бы совсем скучно.

– Как дела? – спросил он Веника, после того как обнюхал его со всех сторон и убедился, что никаких тревожных примесей в его запахе не присутствует.

– Отлично, – улыбнулся Венья, – а вы-то как?

– По старому, – флегматично отвечивал Митрич, – Саня в другой реальности, я – в чужом теле. Ты лучше, ближе к делу, Венья.

– К какому? – с хитроушей улыбукой на лице поинтересовался тот.

– К какому, к какому... Косточки давай, я еще на крыльце их унюхал.

– Ничего от тебя не скроешь, – восхищенно произнес Вениамин, доставая из рюкзака небольшой пакет. – Я-то надеялся сюрприз сделать...

Минут десять после этого, в приемной слышался треск разгрызаемых говяжьих костей и удовлетворенные вздохи Митрича. Венья был удивлен, насколько легко его бывший сосед по палате превращал толстую кость в мягкое желе и принимался за новую. Что же касается дежурной медсестры, она и вовсе пребывала в глубоком шоке, но от комментариев воздержалась – а какой смысл?

Покончив с половиной содержимого пакета, вторую половину Митрич любовно-аккуратно завернул для того, чтобы по пути в палату спрятать запас в общий холодильник. Хотя было искушение их закопать – аж лапы чесались! – но, поразмыслив, Митрич решил не рисковать. Все-таки по территории больницы бегало несколько его бездомных сородичей – мало ли что.

– Теперь можно и к Саше! – облегченно выдохнул он, спрятав свое сокровище в самый нижний самый дальний угол холодильного шкафа и закрыв дверцу. – Может, он уже и вернулся?..

Вернулся – вернулся, а куда он денется?.. Саня как раз только-только пришел в себя и пытался придумать, чем бы таким заняться.

– Веня, дружище, как же я рад тебя видеть! Митрич, я снова в этом мире... – поприветствовал он вошедших.

– Я книг тебе привез, чтобы ты не скучал. Ты читал Бернарда Вербера?⁴

– Неа. Интересно?

– Стал бы я неинтересные книги через весь город тащить, – рассмеялся Веня и положил на Сашину кровать несколько томиков карманного формата с изображением мужика в белом костюме с ноутбуком на коленях и крыльями за спиной.

– «Империя ангелов»?.. – недоуменно спросил Саня, прочитав название.

– Это еще что... Смотри! – Веня достал из-под низа еще один фолиант, название которого было «Мы – боги». – Впрочем, не хочешь, могу забрать, – ехидно усмехнулся он.

– Не надо, дяденька, я исправлюсь! – в притворном ужасе воскликнул Саша, а Митрич улыбался глядя на этих двоих.

«Как дети, ей богу!» – снисходительно думал он. Впрочем, дети у него не вызывали никаких нареканий, в отличие от серьезных и вечно занятых своими проблемами взрослых, каковым он сам успел побывать и благополучно излечиться благодаря неведомым силам природы.

– Чем занимаешься на свободе? – спросил тем временем Саня.

– Книгу пишу. Закончу – привезу почитать. Подработку нашел непыльную – блогер теперь называюсь. Все путем, в общем. Жена подала документы на развод. Но это, как раз, не слишком большое огорчение – она никогда меня не понимала, а я все время удивлялся, каким ветром меня продуло, когда я решил, что мне необходимо жениться.

– Любил, наверное.

– Может быть... честно говоря, я уже успел забыть – столько воды утекло.

– Мда... – философски изрек Саша.

– Как там, на воле? – шутливо спросил Митрич.

– Лето, – пожав плечами, ответил Веник. Потом улыбнулся и тоном ведущего новостей продолжил: – Террористы пытались взорвать торговый центр, в Словакии – выборы президента, иранские воздушные пираты захватили трех заложников – американцев, на юге Китая землетрясение в шесть баллов, в Австралии – извержение вулкана; толпа раздетых догола женщин пикетировала парламент чтобы тот пересмотрел права секс-меньшинств, один чувак подорвал себя возле памятника Ленину, еле успев прокричать «Даешь советскую власть!», группа наркоманов возле ночного клуба изодрала в клочья наркодиллера и была избита до полусмерти его соратниками, драка футбольных фанатов унесла жизни пятисот восьмидесяти шести болельщиков, одна из наших спортсменов после проигрыша в чемпионате мира по многоборью лишила себя жизни... продолжать?

– Не надо! – Митрич с Саней были единодушны.

– Пожалуй, я еще полечусь, – резюмировал Митрич, а Саня звонко рассмеялся. Спустя всего пару секунд, к нему присоединились и остальные.

Через час Вениамин ушел и жизнь в палате № 3 потекла своим чередом. Саша раз-два в день отключался, иногда необъяснимая медитация обрывала его рассказы на полуслове, правда, через час-два он приходил в себя и продолжал незаконченную фразу как ни в чем ни бывало, а Митрич... ох, это целая история...

Главное, в подобного рода делах, принять твердое решение и желательно почти сразу же начать приводить замысел в исполнение. Промедление – смерти подобно, в общем!

Уже тогда, слушая новостной рапорт Вениамина, Митрич внезапно понял, что его уже тошнит от «человеческой жизни». Правда, это он осознал давно, просто в тот момент в его

⁴ Бернард Вербер – современный французский писатель-фантаст. Автор серии книг о танатонавтах, муравьях, и др...

голове родился четкий план. Самое сложное было привести в исполнение первую часть замысла, остальное, как говорится, легче, чем встать на задние лапы.

В основании его идеи лежало несколько постулатов: первый – если гуманоидам при помощи инъекций удалось превратить Митрича из собаки в человека, то, значит, должно быть и средство совершить обратную метаморфозу; второй – ключи от манипуляционного кабинета и шкафчика с лекарствами всегда у дежурной медсестры (психбольница все-таки, мало ли что) и третий – медперсонал, запирая на ночь двери корпуса и каждого этажа в отдельности, ночью обычно спит без задних ног, ибо в их отделении лежали только «небуйные» пациенты (двери палат, и те – не закрывались).

Той же ночью Митрич совершил первую вылазку. Дождавшись, пока настенные часы начнут показывать 4.00 утра (самое безопасное время), он тихо приоткрыл дверь палаты и высунул наружу нос. Первые несколько секунд запахи медикаментов и человеческих страданий блокировали все остальные ароматы, но, приняв их, он узнал, то, что хотел: Людочка спала, приняв вместо снотворного энное количество крымского коньяка, а санитаров на этаже вообще не было (эти два оболтуса уже около месяца клеили двух хорошеньких медсестер из соседнего отделения и этой ночью добились-таки своего).

Митрич бесшумно вышел в коридор и подкрался к спящей за столом Людочке. У него чуть сердце из груди не выскочило, когда она, сонно пролепетав что-то, подняла голову. Наш «кризеншнауцер» даже дышать перестал. Но медсестра, слегка изменив положение, снова мирно засопела – тут уж он не смог сдержать шумного вздоха облегчения и чуть не испугался, что теперь-то она уж точно проснется.

Обошлось.

Четкий запах металла подсказал Митричу где именно искать ключи. Впервые, наверное, он почти обрадовался, что у него лапы, а руки с длинными ловкими пальцами. Он осторожно просунул два пальца в карман халата Людочки и медленно, с азартом дрессированной обезьянки – карманника, вытянул связку.

Теперь, задача номер два – хорошо ее спрятать. Искать будут, но не долго и не у всех пациентов – через какое-то время медсестра решит, что ключи она просто потеряла и возьмет у завхоза запасные. А пока, на случай обыска, Митрич снял с подушки наволочку, чуть разорвал край наперника, протянул внутрь связку, чихнул пару раз от пуха, попавшего в нос, и осторожно надел наволочку обратно.

Как он будет искать связку потом, пациент пока не задумывался – необходимо было выждать несколько дней, а пуховым приспособлением для сна человека он все равно не пользовался.

Глава 8

Дни летели, не отличаясь один от другого ни на йоту: подъем, прием лекарств, завтрак, прогулка, прием лекарств, обед, сон, ужин, прием лекарств, сон – не так уж богато событиями существование пациентов психиатрической клиники. Иногда санитары открывали комнату отдыха и включали телевизор, и тогда пациенты в течение часа имели возможность повтыкать в экран, где происходили только футбольные матчи и мыльные оперы.

Веня приходил раз в неделю, приносил книги, косточки и торт, который они с Сашей сразу же и съедали. Что же касается Ольги – Сашиной двоюродной сестры – она приехала только один раз, чтобы отдать ему ключи от квартиры, повздыхала и исчезла в недрах будущей студенческой жизни.

Митрич каждую ночь осторожно пробирался в манипуляционный кабинет и съедал две-три таблетки (одна ночь – одна из пачек с иностранными, зачастую непонятными, буквами) – название не имело значение, иногда чудо может произойти и из-за обыкновенного

аспирина – так он думал. Под утро он засыпал в надежде, что проснется в собачьей шкуре и, не смотря на неудачи, не теряет присущего ему флегматичного оптимизма (или оптимистического флегматизма – это как Вам больше нравится!).

Саша еще несколько раз пытался пообщаться с Виллисой, но она отворачивалась, если замечала, что он наблюдает за ней. Лишь один раз она позволила заговорить с ней, но не вовремя появившаяся Мирта, превратила милую спокойную девушку Иру в настоящую стерву с метаящим молнии взглядом и Саня предпочел ретироваться «пока цел». А в последнюю неделю июня его умеренно безмятежное существование в стенах клиники подошло к концу.

Однажды под утро, Митрича разбудил ужасный шум. Первой его реакцией было удивление, но когда он открыл глаза, то, может быть впервые в жизни, по-настоящему испугался.

Саша рвал и метал: размахивал неизвестно откуда взявшейся бейсбольной битой и кричал не своим голосом:

– Прочь, твари! Вон из моего мира!

Лицо его в этот момент выражало бесконечный страх, отвращение и злость – абсолютную неконтролируемую агрессию: рот, перекосившийся от ярости, издавал какие-то нечленораздельные звуки, больше похожие на рычание разъяренного тигра. А глаза были пусты, словно он не человек, а чучело в палеонтологическом музее. Он крушил все, что можно было разрушить в палате – стол, стулья, лампы, оконное стекло. Тумба валялась на полу перевернутая, из нее высыпались книги и туалетные принадлежности обоих обитателей палаты. Стол был переломлен на две половины, а одна из его ножек была воткнута в матрас на Сашиной кровати.

Саня метался до тех пор, пока не споткнулся о кучу рассыпанных вещей, упал, ни на секунду не переставая рычать и размахивать битой. Когда он поднялся на ноги, в палату влетели санитары и попытались остановить его. Он вырывался и для того, чтобы одеть разбушевавшегося пациента смирительную рубашку, им пришлось звать подмогу – вдвоем они не справлялись.

Митрич забился в угол кровати и ошеломленно наблюдал за тем, как всегда спокойный и приветливый мальчик, с нечеловеческой злостью пытается вырваться из лап санитаров: кусает их, отбивается ногами и выкручивается дугой на деревянном полу.

Подроспевшая медсестра попыталась сделать ему укол, но пациент к тому времени почти освободился из железных объятий амбалов в белых халатах и в полу скрюченном состоянии кинулся к двери, наступив на шприц босой ногой. Дверь он открыть не смог (смирительная рубашка не позволяла подобные манипуляции), попытался вышибить ее головой и упал, скорчившись от боли. Тогда-то его и скрутили окончательно. Перепуганная медсестра всадила ему в ягодицу шприц по самое основание, Саня последний раз дернулся в руках санитаров и обмяк. Облегченно выругавшись, санитары отволокли его в изолятор и закрыли на ключ.

Ближе к обеду, едва Саня вернулся в «сознание», пришел психиатр – Владимир Анатольевич:

– Как мы себя чувствуем, больной? – притворно-благодушно, спросил он.

– Голова...пустая...болит...что...вы...мне...вкололи?... – каждое слово давалось Саше с большим трудом – язык распух и не слушался.

Психиатр проигнорировал последний вопрос Сани и задал свой:

– Ты помнишь, почему здесь оказался?

– Сон...мне...снился...там...мир...прекрасный...радужный...во сне я...был птицей...или...ангелом...летел...солнце...море...горы...домик...маленький такой...а рядом...серое здание...окон нет...чернота...уродцы какие-то...страшно...противно...не помню...голова болит...

– Что-то еще болит, кроме головы? – усмехнулся доктор.

– Руки...ноги...все...глаза даже...
– Напугали вы нас, батенька, ох, напугали!
– Что...дальше...со мной...будет...помощь...нужна...
– Соберем консилиум сегодня, анализы сделаем. Если подтвердиться мой диагноз, лечить будем.

– Какой...ди...аг...ноз?..

– А вот об этом, миленький, тебе знать не нужно. Тебе отдохнуть необходимо, сил набраться. А как тебя вылечить мы разберемся.

Притворная забота доктора, его слащавый тон вызывали у Саши щекочущее раздражение, но сделать он ничего не мог – сил не было даже пошевелить пальцами на руке. Психиатр ушел и пациент провалился в какое-то глухое тревожное забытие, которое «сном» назвать язык не поворачивается. Время от времени Саня приходил в себя, обводил помутненным взглядом комнату и снова засыпал, смутно ощущая, чье-то присутствие и боль от укола, разливающуюся по всей руке от плеча до запястья.

Для него больше не осталось понятия «время» – существование в обессиленном, лишенном чувств и мыслей теле, превратилось в безвкусную растянутую жвачку. Лишь однажды мыслечувство под эгидой «Я умираю» заставило Саню на секунду по-настоящему придти в себя – скорее от испуга, чем от боли во всем теле, хотя и то и другое имели место в равной степени. Но потом он исчез, растворился, растаял в воздухе, в боли, которую испытывал и действительно почти умер.

Спустя несколько часов (минут, дней, вечностей?) Саня «воскрес». Но только формально. Сознание вернулось к нему много позже. Сначала вернулось умение подчинять мышцы тела своему желанию, чуть позже – навык отличать человеческую речь от шума в голове, еще немного позднее появился смысл в некоторых простых словах.

Затем постепенно начала возвращаться память о себе – обрывки событий витали в Сашиной голове, но сначала не могли выстроиться в четкую картину Прошлого.

Последней вернулась способность осмысленно произносить слова, а затем и предложения. Только тогда Вениамину разрешили навестить товарища и он объяснил Сане, что на консилиуме было принято решение применить инсулиновый шок, чтобы вынудить вредоносные клетки его мозга погибнуть.

Веня смотрел на друга и ужасался: худой, изможденный человек, с желто-коричневыми кругами под глазами, впалыми щеками и отстраненно-бессильным взглядом, сидящий перед ним – не мог быть тем Саней, с которым он познакомился около месяца назад. Кем угодно – только не им!

Саша не обрадовался приходу Вени – он забыл, что умеет испытывать «радость». Конечно, он осознавал, что Веня его хороший знакомый, бывший сосед по палате, но остался равнодушен к этому знанию и к самому этому лучшему здоровьем персонажу из «прошлого».

Саша сейчас ко всему был безразличен: к еде, к чтению, к людям, к себе. Перестал улыбаться, думать – почти все время пребывал в какой-то прострации, смотрел в одну точку и почти не говорил.

Веня смог вытерпеть только десять минут из разрешенных шестидесяти – невыносимо было наблюдать Санину отстраненность и при этом помнить какой он был раньше. У него сердце разрывалось от жалости:

– Держись, дружище, – пролепетал он на прощание, – скоро это пройдет. Тогда ты снова научишься улыбаться.

Вопреки надеждам Вени, Саша так окончательно и не стал самим собой. Каждый вечер он приходил к Сане (для этого приходилось давать взятки медсестрам и приносить спиртное

санитарам), сидел с ним несколько минут и уходил разочарованный. А однажды – недели через три – Веник зашел проведать друга и узнал, что Сашу выписали.

Часть 2

MUTATO NOMINE DE TE FABULA NARRATUR⁵

Глава 1

Скорее всего, мне жилось бы гораздо легче и радостнее, если бы я смог убедить себя, что сон, приснившийся в клинике, разрозненные картинки которого, даже не складываются в осмысленную картину – всего лишь сумбурное ничего не значащее сновидение. Но я откуда-то знаю, что это не так. Осталось ощущение, что я забыл что-то очень важное и если мне удастся восстановить события хотя бы в собственной памяти, то все изменится. Но я не могу, как бы ни хотел. Чувство потери, усиленное в сто крат непониманием в чем собственно она состояла – какое-то метафизическое недомогание, тем более опасное, что последнее время я не в ладах ни с настроением, ни с жизнью.

На работу я не вернулся. Пособия, выданного шефом (с пожеланиями скорейшего выздоровления и невысказанной надеждой, что я больше не переступлю порога нашего офиса), вполне хватало на то, чтобы раз в три дня купить пачку бразильского кофе, банку шоколадной пасты и буханку черного хлеба, а большего в этой «новой» жизни мне не требуется.

Ольга переехала в общежитие мединститута и больше носа ко мне не показывает. Стыдится. Для меня стало довольно неприятным сюрпризом то, что пока я был в клинике, она отдала мою собаку другим людям (ну, не было у нее времени за ней ухаживать!). Хорошо, хоть адрес оставила. Когда я приехал к ним забирать своего пса, оказалось, что их четырехгодовалый малыш очень привязался к нему. Откровенная истерика с его стороны, сто долларов со стороны его папочки, почти примирили меня с этой ситуацией. В конце концов, пес выглядел довольным, сытым и игривым, он успел отвыкнуть от меня за два месяца, а я больше не был тем беззаботным бесшабашным хозяином, с которым он так любил играть. Щенок еще – что с него взять!

Впрочем, я не в обиде – кто я такой, чтобы мешать счастью своей собаки?.. Мне бы сейчас с собственной жизнью разобраться...

Вот так, незаметно, я остался наедине с собой в полупустой квартире, полным разладом на личном и профессиональном фронте, огромной прорехой в памяти и тяжелым метафизическим камнем на сердце.

За все это время ни мобильный, ни домашний телефоны не зазвонили ни разу. Правильно – кому нужен безработный опустившийся шизик?

Я давно уже потерял счет дням, которые провожу в полубессознательном состоянии: валяюсь на кровати, поднимаясь только для того, чтобы сварить очередную порцию кофе; переключаюсь с канала на канал, почти не вникая в смысл того, что круглосуточно вещает спутниковое телевидение; на улицу выхожу только по крайней необходимости. Даже в парикмахерскую не хожу – волосы отросли до плеч, посему каждое утро я начинаю с того, что брезгливо затягиваю этот ужас в хвост, а поросль на лице уже с чистой совестью можно считать бородой.

«Твоя жизнь пуста, игемон!» – говорит на экране Иешуа с лицом Сергея Безрукова. Качаю головой в такт его словам: пуста – пуста, даже не сомневайся!

Бесцеремонно встрявши со своими комментариями в киношный диалог, иду на кухню варить кофе. Пятая порция за сегодняшний день; меня ни сколько не волнует судьба моего

⁵ Басня сказывается о тебе, изменено только имя (лат.)

горемычного организма – какая разница: сколько бы ни досталось на его век лошадиных доз кофеина, вряд ли будет хуже, чем есть.

С вялым удивлением отмечаю, что уже вечер и, значит, прошел еще один день. Равнодушно пожав плечами, открываю дверь кухни и включаю свет. Первое, что мне бросается в глаза – присутствие инородного предмета на разделочном столе. Белый лист бумаги, формата А4, с мелкими печатными буквами. Шрифт 10, не больше.

Не знаю, что меня впечатлило больше: тот факт, что в моем доме кроме меня некому разбрасывать испорченные листы бумаги, или волна беспричинной радости и надежды, окатившая меня при первом же беглом взгляде на этот листок.

К столу я подхожу уже изрядно трясущимися ногами. Странно, если учесть, что ситуация, хоть на первый взгляд и диковинная, но в целом – довольно обыденная, учитывая мои провалы в памяти (хотя правильнее будет сказать не ПРОВАЛЫ, а ПРОВАЛ, все-таки он у меня один, хоть и большой).

Вчитавшись в мелкие буквы, понимаю, что зря я так всполошился. Чего я ожидал увидеть – письмо от Господа Бога или тетушки Чарли из Бразилии?.. В любом случае, в моих руках оказался всего-навсего кусочек какой-то незнакомой книги.

«Сегодня странное утро. Обычно я моментально прихожу в себя от противного визга электронного будильника. А сейчас он молчит, и я могу позволить себе роскошь лежать с закрытыми глазами до тех пор, пока не захочется их открыть. Не спать, а просто лежать в серой искрящейся пустоте собственного внутреннего мира. Почему о человеке иногда говорят „у него богатый внутренний мир“? Нет ничего внутри нас, кроме нас самих. Не верите? Просто закройте глаза... Что вы видите?

МИР?..

Вы видите черноту и тишину, абсолютное совершенное одиночество – вот что вы видите! Ну да ладно... Что мне действительно интересно, так это почему до сих пор не звонит будильник. Мои ощущения уже минут десять вопят о том, что пора просыпаться. Я их, конечно, игнорирую – если будильник в ауте, зачем мне дергаться – понаслаждаюсь пока...

И все-таки я открываю глаза из простого любопытства – посмотреть который час. И что я вижу?...

БУДИЛЬНИКА НЕТ И В ПОМИНЕ! Кроме него нет еще и тумбы, на которой он стоял, кровати, возле которой находилась тумба, на которой он стоял и комнаты, в которой находилась кровать, возле которой стояла тумба, на которой стоял этот самый будильник...

Упс...

Лежу я, оказывается, в пустом незнакомом помещении, на мягком ворсистом ковре цвета сочной апрельской травы и книгой Макса Фрая (он-то как здесь оказался?..) вместо подушки!

Можно было бы и испугаться, проснувшись неизвестно где, но я всегда доверял своей Судьбе, может быть, поэтому со мной до сих пор ничего плохого не случилось – значит, не случится и сегодня. Такие вот пирожки...

Интересные дела: засыпал я дома – это я помню точно! – под мирное посапывание собаки в ногах. Хорошо хоть не в одних – извините – трусах, а во вполне аристократической бордовой пижаме. А то проснуться в незнакомом месте, без одежды (ибо в комнате и намека не было на шкаф) и начать знакомство с хозяевами почти что в чем мать родила – фи... дурной тон, как на мой вкус!..

Сладко потягиваюсь и встаю на ноги. Подхожу ко невообразимых размеров окну и что я вижу? Знакомый с детства городской пейзаж: проспект заторенный автомобилистами,

потухшая утренняя вывеска казино напротив, пешеходов – только все это с очень большой высоты (навскидку этажа эдак с двадцатого), а ведь живу я, вообще-то, на третьем!

Окей, могло быть и хуже...

Озираюсь по сторонам – занятие вполне бесполезное в данном случае, ведь кроме окна, возле которого я стою, и слегка приоткрытой двери, взгляду в этой комнате остановиться не на чем. Остается одно – выйти из нее. Что я и делаю без всяких колебаний и задних мыслей – молодец, что тут скажешь! Голливудские фильмы приучили нас, обывателей, к тому, что за каждой неизвестной дверью всенепременно оказывается страшный монстр, маньяк-убийца или черная страшная-престрашная пустота. Но мне по-барабану фильмо-продукция сдвинутых режиссеров. Это ж как надо не любить окружающий нас волшебный мир, чтобы такое придумывать – уму непостижимо!

Берусь за резную деревянную ручку двери и решительно распахиваю ее.

Вот именно здесь и сейчас мое легендарное (именно так – о нем уже давно создаются мифы среди моих знакомых) самообладание подверглось жестокому испытанию. Прямо за дверью начинается бескрайний, удивительно совершенный луг, над которым танцует ясное голубое небо без единого облачка. И больше ни-че-го!

Удивлению моему нет пределов, оно едва из пальцев не сочиться густым малиновым сиропом – я-то наивно полагал, что просто напился вчера до беспамятства, а тут...

Вот что прикажете думать? Что у меня глюки?..

Всю жизнь полагал себя рациональным и адекватным человеком, не смотря на пристрастие к фэнтези – вот и сейчас поступаю в соответствии со своим представлением об адекватности: просто выхожу за двери, мысленно махнув рукой на все эти непонятности, одновременно дав себе обещание верить своим собственным глазам и поговорить с первым встречным прохожим.

Это просто чудо какое-то!..

Ныряю босыми ступнями в упоительно теплую траву с легким налетом росы, вдыхаю сочный воздух, неиспорченный выхлопными газами, подставляю лицо мягким солнечным лучам, а напоследок падаю, раскинув руки, в ласковые объятия земли, пахнущей медом, и закрываю глаза – эх... жизнь моя – жестянка, как же здесь хорошо!»...

Глава 2

Продолжение душещипательной истории, появившейся в моем доме благодаря какому-то графоману-взломщику не соблаговолившему поставить под ней авторскую подпись, я нахожу в комнате на диване, который я осквернял своим присутствием в течение последних трех недель.

Удивляться не вижу смысла – на кой оно мне сдалось, это удивление?..

«Вдоволь насладившись ничегонеделанием, вобрав в себя животворную, ослепительно светлую энергию неизведанной пока земли и солнца, решаю двигаться дальше – чего тянуть? Впереди бескрайнее поле – надеюсь, я успею дойти до его конца до заката, а то как-то несерьезно ночевать под открытым небом в неизвестном месте. Тем более, оглянувшись, вижу, что комнаты, из которой я вышел около часа назад, нет и в помине – ну и бог с ней! Окружающая меня природная гармония, совершенная и нереально прекрасная, компенсирует все, даже тот факт, что мой организм вспомнил о завтраке и привычном утреннем кофе. К сожалению, не в моих силах помочь ему сейчас в этом вопросе, но как гласит народная мудрость „голод – не тетка, а мать родная“ – не впервой, выкрутимся!

А пока, назло закону притяжения, я не иду, а, ей-богу, почти скольжу по влажной траве пахнущей яблоками; вне времени, заглушая голос разума, пытающегося испортить

мне весь кайф вставляя свои пять копеек типа: „Ты даже не представляешь где ты – чему ты радуешься, дубина? Что ты будешь есть – здесь же ни одного кустарника с ягодами, не то что дорожных забегающих? И где ты, интересно будешь спать – на мокрой траве? Ты хоть понимаешь, насколько у тебя мало шансов вернуться домой?..“.

„Молчи, несчастный! Я, наверное, впервые в жизни абсолютно, до сумасшествия счастлив!“ – отвечаю ему на каждую подобную предьяву и самое интересное, что он слушается и замолкает на несколько минут – всегда бы так!

Не знаю сколько прошло времени до момента, когда я, наконец, смог придержать собственный бесшабашный галоп по бескрайнему (таки действительно!) зелено – голубому царствию.

По поводу еды мой организм несколько успокоился, но вот пить хотелось чем дальше, тем больше, да и ноги уже изрядно подустали.

Пожусь на мягкую землю, закидываю руки за голову. Солнце уже не такое яркое как утром, и не желтое, а самое настоящее оранжевое! Можно почти безболезненно смотреть на небо – чудеса!..

Еще бы водички...

Двухлитровая бутылка минеральной воды с яркой этикеткой моего любимого производителя почти реально маячит перед глазами – так же и с ума сойти недолго! Мне даже становится немного страшно оттого, что я могу попросту скончаться от голода и жажды посреди всего этого великолепия.

Умереть в раю – что может быть глупее?..

Размечтался я ни на шутку: через несколько минут в моих грезах рядом с бутылкой минералки еще и чизбургер объявляется. Я даже запах его чувствую! Знаю, что отравы, но редко могу устоять перед соблазном слопать это чудо химического прогресса.

Аромат возжеленного бутерброда кружит голову с быстротой и неумолимостью шара для боулинга. Желудок вспомнил о подавленном с утра бунте и начал революцию, от чего вся радость сегодняшнего дня быстро куда-то улетучилась. Чтобы хоть немного сдержать слюновыделение, открываю глаза и принимаю сидячее положение.

Ну вот, уже галлюцинации начались...

Щипаю себя за щеку дабы прогнать наваждение – тщетно. Возле моих ног стоит бутылка моей любимой воды и бургер, мечты о котором едва не свели меня с ума минуту назад! Не веря глазам своим, протягиваю руку и пробую мираж кончиком пальца. Не исчезает!..

Обалдеть можно! Не знаю за какие заслуги мне такое чудо, но размышлять сил нет – сначала одним жадным глотком выпиваю почти четверть воды из горлышка двухлитрового наваждения, затем съедаю чизбургер и только после этого даю волю удивлению, подобному сейчас взрыву ядерной боеголовки. Неужели это моих рук дело?.. А может быть, я тут совершенно не причем – просто я попал в Рай и чудо это совершил Бог, в которого я, по правде, никогда по-настоящему не верил?.. Если это так – вот будет номер!

В любом случае проверить любую догадку можно только экспериментальным путем. Что мы имеем?.. С одной стороны мои гипотетически проснувшиеся магические способности (прямо как у героев любимых книг!), с другой стороны – возможность доказать существование Бога.

Ничего себе, дилемма!..

О'кей, поехали!

Закрываю глаза и пробую представить себе чашку эспresso из моего любимого кафе; его всегда подают в небольших голубоватых чашечках вместе с махонькой шоколадкой и стиками сахара на небольшом подносе. Не знаю, какой вид зерен используют для приготовления этого напитка в том кафе, но его запах ни с чем невозможно перепутать.

Минуты не прошло, как знакомый аромат защекотал ноздри и заставил меня открыть глаза. Ох... Голубая чашечка на серебряном подносе собственной персоной! Очуметь...»

Голубая чашка на серебряном подносе, говоришь?..

Интересно...

Откуда незнакомец, подсунувший мне плоды своих графоманских амбиций, может знать, что в кафе напротив моего дома, которое по иронии судьбы носит название «Потерянный рай», действительно подают обалденный кофе в голубоватых представителях гончарного искусства. Серебряный поднос с причудливыми узорами, махонькая шоколадка с надписью на итальянском и стики с сахаром также имеют место в этом интересном заведении.

С другой стороны, почему бы и нет?.. В этой кафешке все время ошивается куча народу, главным образом потому, что живу я недалеко от Центра. Почему бы и нет, собственно...

Пожимаю плечами – какая вообще разница, все это не имеет к моим проблемам никакого отношения!..

И все-таки неизвестному взломщику-графоману удалось немного умерить равнодушные, ставшее уже нормальным состоянием моего недавно выписавшегося из сумасшедшего дома организма, и пробудить, почившее было вечным сном, желание выйти на свежий воздух. Мне вдруг захотелось посидеть в том самом кафе, помедитировать над толстым талмудом в черном кожаном переплете, который несправедливо носит название «меню», поглазеть на влюбленные пары – прогресс, что тут скажешь!

Пока сей благостный порыв не пропал бесследно, одеваюсь и выбегаю из дому, в спешке едва не забыв ключи от квартиры. Наверное, мне уже изрядно осточертело общение с собой любимым, захотелось хотя бы одним глазком посмотреть на чужую радость, раз уж с собственной в ссоре.

Едва я вышел из подъезда, вечерний город распахнул мне свои объятия, словно старый знакомый. Августовский ветер нашептывает что-то на чуждом людям языке: то ли подгоняет, то ли оказывает мне психологическую помощь.

Не могу сказать, что я вдруг и сразу излечился от меланхолии, но глыба льда, заменяющая мне сердце, слегка подтаяла. Я почти чувствую как капля за каплей кровь наполняется микроскопическими, неизвестными науке частицами из которых, наверное, когда-нибудь окончательно сформируется моя душа, отпущенная навеки-вечные из окна палаты № 3.

Глава 3

Сажусь за ротанговый столик, накрытый сочно-зеленой скатертью. Возле меня сразу (можно сказать «как из-под земли») возникает молоденькая официантка, облеченная в униформу: эдакое напоминание, что наша жизнь полоса белая – полоса черная. Возле моей руки, вяло теребящей край скатерти, бухается поминаемая нынче всею рукопись «о вкусной и здоровой пище» в черном кожаном переплете.

– Чашечку кофе, пожалуйста, – обращаюсь к миловидной барышне все еще стоящей рядом.

– Что-нибудь еще? – интересуется она равнодушно.

– Пока нет, спасибо.

Официантка неторопливо отплывает от моего столика, покачивая бедрами. В любое другое время такие красноречивые, мягко говоря, телодвижения, могли привести к состоянию, в котором от легкого флирта до обещания свидания – полминуты, не больше. Но сейчас я просто флегматично пожимаю плечами и глубокомысленно впериваю взгляд в первую

страницу меню. Затем – в следующую... Сюрприз!.. Сказание о восторженном безымянном болване – демиурге.

Давненько мы с тобой не встречались, дружок!..

«Оправившись от удивления, не без участия чашки кофе, коей я обеспечил себя таким, мягко говоря, неординарным способом, решаю двигаться дальше. Теперь я могу быть совершенно спокоен – с голоду я не умру и это потрясающая новость!

Лечу, скольжу, упиваюсь радостной свободой, нечаянно свалившейся мне на голову. По идее мне сейчас положено сидеть в прокуренном офисе и строчить дурацкие программки для улады своего начальства – эта мысль только добавляет мне бесшабашной веселости. А тут еще дождик – вечерне – солнечный летний дождь! Останавливаюсь, чтобы не пропустить ни капли из этого подарка природы. Перед моими глазами все еще искриться бескрайнее совершенное поле, но уже с округлой радугой на пол неба!

Подставляю лицо под теплые капельки дождя, вдыхаю полной грудью влажный сладковатый воздух и, наконец, понимаю: это – мой собственный рай, здесь больше нет никого и ничего. В какую бы я сторону ни двинулся, сколько бы суток подряд ни блуждал, я уже ни на секунду не забуду внезапно посетившего меня озарения: я здесь для того, чтобы помочь радостной ласковой реальности, избравшей меня (за какие такие праведности?), создаться. Возникнуть из сновидческих мечтаний сотен тысяч людей, у которых не хватает для этого веры (не зря я читал фэнтези в диких количествах – возможно именно это и подготовило меня к исполнению предстоящей задачи?!). Не исключено что и наш мир создавался каким-нибудь сумасшедшим (в хорошем смысле этого слова!) демиургом без памяти влюбленным в голубую безымянную планету. Если все так и было – что же он чувствует сейчас, глядя на нас, людей?..

Ладно, не будем о грустном. В конце концов, сегодня исключительный, единственный в своем роде, день, который, кстати, судя по мягкой сиреневой полутьме и трем разноцветным сияющим лунам, появившимся на небе, уже подошел к завершению. Завтра будет еще один сказочно прекрасный день. За ним еще и еще – много обалденных дней впереди – а мне надо думать о будущем, а не прошлом! Посему первым в моем списке стоит ложе и крыша над головой. Не к лицу новоявленному Творцу спать, свернувшись калачиком, на влажной земле!

С этой до невозможности приятной мыслью я и принимаюсь за сотворение дома (чего-то типа бунгало, ибо следующим утром все равно покину его и пойду дальше).

Оказалось, что нет никакого отличия между созданием чашки эспresso и сотворением бирюзового домика с плоской покатой крышей, окном во всю стену и мягким матрасом вместо нормальной кровати внутри него, прямо на деревянном полу.

Засыпаю я как ребенок, с парой слезинок благодарности на щеках неведомым мне светлым силам за этот неповторимый радостный день.

Я ХОЗЯИН ЭТОГО ВОЛШЕБНОГО МИРА И ЭТО – НАСТОЯЩЕЕ, ЛИЧНО МОЕ, СЧАСТЬЕ!»

– Я нашел в меню вот это, – без всяких предисловий и расшаркиваний обращаюсь к официантке, вернувшейся с моим заказом. Злюсь, но объяснить, что на меня нашло, не могу даже себе. – Вы можете сказать как туда попал данный листок?

– А что это? – Ей, в отличие от меня, любопытно.

– Это третья глава книги. Первые две я нашел у себя дома. Кто-то упорно подсовывает мне плоды своих ночных бдений.

– Странно. Хорошо, я попробую выяснить, не затесался ли ваш неизвестный автор среди моих коллег. Но это, пожалуй, все, что я могу для вас сделать.

– Очень меня обяжете. – Попытка растянуть собственные мускулы в благодарную улыбку, конечно, не удалась, но видит бог, я очень старался.

Возвращается девушка через минут десять. Я как раз размышляю, а не заказать ли еще одну чашечку кофе.

– Расспросила бармена, повара, обслуживающий персонал...никто ничего не знает.

– Спасибо, – отвечаю и целую ей руку. Этот простой жест дается легче, чем еще одна кривая улыбка, воспроизвести которую на своем лице я уже и не пытаюсь.

Ладно, бог с ним, с этим горе – романистом.

Выхожу на улицу, ныряю в толпу, которая выносит меня в центр города, залитый огнями как новогодняя елка. Передвигаю ногами, не задумываясь куда и зачем. Блуждаю, одним словом...

Ближе к полуночи мне вдруг захотелось есть. По инерции вспоминаю об оставшейся на дне банке шоколадной пасте, но этот образ вызывает только тошноту и негодование. Какая там паста, прости господи: кусок мяса – большая сочная отбивная, с жареной картошкой и овощным салатом! – возмущенно бурчит мой организм.

Давно я не чувствовал себя таким зверски голодным – выздоравливаю, оживаю, возвращаюсь?..

Ищу глазами самую блеклую вывеску, самый маленький из небольших ресторанчиков. Желательно, чтобы и название было на русском языке, тогда в нем точно будет то, что я хочу, да еще и за умеренную плату.

Мне приходится свернуть с главного проспекта вглубь, в мало освещенную узкую улочку между дореволюционными двухэтажными зданиями. С лицевой стороны они ухоженные, выбеленные, но стоит завернуть за угол... истинный их возраст на лицо.

В одном из таких домиков, вызывающих во мне искреннее сочувствие, притаилось кафе «У Севы». Спускаюсь в полуподвальное помещение, заранее предвкушая овеществление стихийно возникшей пищевой мечты.

Все как я хотел: небольшой полутемный зал, в котором уместилось всего-навсего шесть круглых металлических столиков на одной ножке, небольшой фонтан с оранжевыми рыбками в неестественно голубой воде. Очень напоминает кафе-мороженое «Лакомка» с соседней улицы, которое закрыли не дождавшись, пока я выйду из нежного возраста, когда поедание мороженого по воскресеньям, кажется событием вселенского значения.

Официант (уж не знаю, Сева или нет) кавказской наружности, в белом, до рези в глазах, переднике и смешной поварской шапке, спрашивает, что я хочу, чтобы он мне предложил. Занятная формулировка.

Рассказываю во всех подробностях.

– Ваш заказ будет готов минут через двадцать. Мы готовим не заранее, а по мере необходимости. Вы готовы подождать?..

– Да, конечно, – отвечаю, пожимая плечами. – Ради запахов, доносящихся с вашей кухни, я готов еще и не на такой подвиг...

Он уходит довольный, пряча улыбку в глубине черных как смоль усов, а я еще минуты две после этого удивляюсь собственноручно сконструированной любезности. Слабая тень Меня двухмесячной давности – вот что это было! Такие даже микроскопические перемены в моем настроении – черт, это гораздо лучше, чем ничего!..

Глава 4

Мне не слишком долго пришлось придумывать, чем себя занять пока готовится мой заказ. В дальнем углу зала, стоит стойка с журналами и газетами. Беру первый попавшийся

экземпляр повествующий, как указано в верхнем углу титульной страницы, о событиях месячной давности. Возвращаюсь за столик, разворачиваю газету...

Опаньки!..

Что за ерунда?..

Приоткрываю глаза, убеждаюсь, что я там же где и засыпал накануне, то есть в бирюзовом доме с окном во всю стену. Связанный в трехцветную косичку лунный свет рассыпает по всей комнатухе радужные блики и делает ее фантастической, мифически нереальной, самой прекрасной на свете. Мне бы радоваться, но скользкая вязь еще не до конца ушедшего сна облепила меня как паутина.

Однажды в детстве я болел гриппом и у меня была очень высокая температура. Я хорошо запомнил ощущение мути, нереальности окружающего пространства, противную липкую полу бредовую действительность, воспринимающуюся сквозь горячий туман. Именно таким было сновидение, от которого я сначала подскочил в постели как подстреленный, отчего мое сердце едва не выскочило из груди, а сейчас понемногу начал успокаиваться, убедившись, что это был всего лишь сон.

Присниться же такое: палата, с крашенными в противный салатный цвет стенами и зарешеченным окном; незнакомец, представляющий себя собакой, которого, кажется, зовут Митрич и еще один непонятный бурчащий субъект – Вениамин, по-моему... Ужас!

Я-то наивно полагал, что в таком почти сказочном месте не может быть таких тягучих мутных сновидений... Брр!.. И главное, вроде бы ничего такого ужасного мне не снилось (бывали сны и похуже!), но ощущения просто кошмарные...

А, Аллах с ними!..

Благоразумно решаю спать дальше, не смотря на пробуждение, сильно смахивающее на шокотерапию. Разворачиваюсь на другой бок, в надежде, что тот пакостный сон меня больше не достанет.

Блаженны верующие...

Час от часу не легче! Что этот писатель-самоучка себе позволяет! И откуда, позвольте поинтересоваться, он знает Митрича и Веника?..

Нет, такое просто невозможно придумать, тут знать надо!

Кажется, я наконец-то схожу с ума, через месяц после выписки из дурдома. Какая прелесть!

Еще немного и со мной случится настоящая истерика. Наливаю воды из небольшого графина, стоящего на столике, выпиваю залпом.

Мелкая дрожь во всем теле немного нарушила координацию – стараюсь, как можно более аккуратно, поставить стакан на место, а вместо этого, смахиваю локтем солянку, зачем-то попавшуюся мне на этом тернистом пути. Наклоняюсь, чтобы поднять и вернуть ее на законное место, но так и застываю... Возле ножки стула лежит еще один листок.

Точно, моя собственная крыша покинула меня безвозвратно!..

Скатертью дорога, милая! Что тут еще можно сказать?..

Сон, разбудивший меня уже второй раз за ночь, изрядно испортил мне настроение, а ведь я даже вспомнить его толком не могу! Осталось только смутное ощущение неправомерности происходящего в нем.

Что-то не так, но вот что...

Одно лишь приятное видение: танцующая в солнечных лучах грустная балерина – задержать бы его, но оно постепенно ускользает, тает, растворяясь в остатках сна.

Сбросив легкую простынь, служившую мне одеялом, я выхожу на крыльцо бирюзового домика. В моем волшебном мире чувствуется приближение рассвета – луны одна за одной скрываются за горизонтом и уже через несколько десятков минут я вижу первые лучи солнца.

Как же это приятно, черт возьми, сидеть на крыльце с только что воплощенной из воспоминаний чашкой обжигающего кофе, ждать пока оно остынет, хотя мог бы (я в этом уверен!) остудить его одним мощным выдохом – такой уж я теперь волшебник! – и наблюдать за пробуждением собственного мира.

Вот за таким приятным занятием ночная муть полностью покидает меня – спасибо ей за это большое от всех прошлых и будущих создателей миров, ибо то, каким будет мир, полностью зависит от душевного равновесия его создателя – простое естественное уравнение. И теперь, избавившись от мучительной шелухи, закрыв глаза, я могу позволить себе минуту – ни больше, ни меньше – полюбоваться своей грустной балериной, не опасаясь возвращения вязкого сна, из которого она возникла и который больше похож на бред.

Почему именно этому ночному видению я разрешил остаться со мной навсегда? Мне неизвестно. Может потому, что она – единственное приятное воспоминание сегодняшней ночи? А может быть потому, что я сам иногда бываю таким: больным непонятной метафизической хандрой; одиноким, грустным без причины, задумчивым без всяких мыслей (и такое бывает!). Но в отличие от моего видения, я в такие моменты не танцую, а пишу стихи, которые после сразу же сжигаю – зачем они еще нужны?..

Главное в этом деле вовремя дать себе гипотетический пинок под зад, типа: ну-ну, дарагой, погрустил, помечтал и будет – забот итак по горло, а ты нюни распускаешь... Хорошо бы еще при этом бидон холодной воды на голову... И все как рукой снимет, уж поверьте моему опыту!

Все. Минута канула в персональную, известную лишь таким же как она, вечность. Желание немедленно, безотлагательно начать делать хоть что-нибудь один раз, но почти болезненно подталкивает сидящего меня в ту самую единственную точку опоры и мне ничего не остается, как встать с нагретого ее усилиями крыльца на ноги.

Итак, что мы, демиурги, должны создавать в первую очередь: растения – животных – людей или дома – машины – компьютеры?..

Пожалуй, все-таки первое. Зачем здесь машины и компьютеры? Вернее, зачем мне превращать свой волшебный мир в подобие того, где я родился? Нет уж! Здесь все будет по-другому!

Принять такое решение легко, но вот воплотить его в жизнь... ох, не ошибиться бы!..

Острый приступ гиперответственности за собственные будущие поступки тяжестью литой бетонной плиты опускается мне на плечи, у меня подгибаются колени, но я нахожу в себе силы удержать вертикальное положение.

Вот это я влип! Не так уж и весело, оказывается, создавать миры, господа хорошие! Просчитывать, учитывать, не допускать погрешностей...

Хотя... возможно, я зря переполошился. Меня ведь никто не гонит, у меня есть время, возможность и желание – чего же боле? Разберемся... А пока нужно каким-нибудь образом убедиться что я действительно один в этом сказочном новом мире. А то вдруг – не приведи господь! – я ошибся. Конечно, сердце не обманешь, но и упускать из виду возможность собственной неменяемости тоже нельзя.

Передо мной вдруг замаячила вполне осязаемая проблема: как обойти (оббежать, обползти, облететь) весь мир сразу и желательно за короткое время?

Хм... облететь – это идея! Совершенно хулиганская идея – и именно в моем вкусе!.. Жаль, что за такое не дают Нобелевскую премию, я был бы уже дважды, нет, трижды лауреатом...

Закрываю глаза. Четко осознать то, чего я хочу – единственное правило, существующее для отдельно взятого меня в моем мире – и только потом шаг за шагом превращать собственную визуализацию в четкую картинку. Чем я и занимаюсь ближайшие несколько минут. Концентрируюсь на собственных физических ощущениях в области лопаток, представляю как клетка за клеткой формируется мое будущее средство передвижения – два симметрично расположенных шишковидных отростка на плечевой кости превращаются в два острых горба, болезненно прорывающих кожу (позже я увидел на траве несколько бордовых капель собственной крови) и ткань пижамы, но не останавливаются: медленно по четкой траектории вырастают во что-то, сперва похожее на огромную расческу-гребень с редкими зубьями, а, укryвшись длинными крепкими (почти лебедиными) белесыми перьями превращаются в то, чем и должны были стать по моей изначальной задумке – в огромные мощные крылья. Теперь я почти что ангел – невероятное ощущение!

Пробую собственноручно созданный летательный аппарат в действии. Очень важно убедиться, что я все правильно сделал, ведь – мало ли что рисуют на иконах – не факт, что такого рода конструкция поможет мне взлететь. Наверняка, ангелы (я уже почти готов поверить в их существование – почему бы и нет?..), сотканные из света и – как там его?.. да, эфира!.. – раз в тысячу легче меня. Но, не смотря на собственный скепсис и вес тела, я, лишь на секунду расправив крылья и сразу же одним резким движением опустив их вниз, на удивление легко и быстро взмываю в воздух.

Теперь придется всю оставшуюся жизнь спать на животе!.. Или на боку... А может попробовать засыпать зависнув в воздухе – вот будет потеха случайным наблюдателям! Хотя... Где они эти самые наблюдатели?.. Одын я... как Один одын...

Не тратя больше времени на тарабарщину, считающуюся почему-то интенсивным мыслительным процессом, взлетаю еще выше, потом еще и еще, пока мое ночное бирюзовое пристанище не становится размером с карточный домик; поворачиваюсь к нему спиной (я же не для того шел почти весь вчерашний день, чтобы сегодня лететь в обратную сторону!..), и, наконец, даю себе волю.

Век бы так развлекался, честное слово!.. Я и раньше-то частенько завистливо наблюдал за пролетающими мимо моих окон ласточками, а сейчас я готов почувствовать себя практически их собратом. Только нет пока в этом мире ласточек – но, вся прелесть в том, что со вчерашнего утра все действительно в моих руках, а теперь вот, еще и в крыльях!..

Не знаю спустя сколько часов ослепительного бесподобного полета я вернулся на свою собственную стартовую площадку подле бирюзового дома. Тело непривычно ныло, особенно та его новорожденная часть, которой утром и в помине-то не было. Но все это – суице пустяки, по сравнению с тем открытием, которое я совершил: я действительно единственный хозяин и хранитель сказочно прекрасного места, где пока кроме земли, усеянной травой, чистого как голубой карбункул неба и смены дня-ночи, нет ничего. Tabula rasa, одним словом – впору плакать от счастья!

Моя вчерашняя иррациональная, основанная лишь на интуитивном озарении, уверенность в том, что я пополнил ряды демиургов, о которых до сих пор только в книгах читал, превратилась в аксиому, не требующую боле доказательств.

AVE! Аллилуйя! VIVAT! Ура, товарищи!..

Бегло пробегаю глазами текст, не особо вдаваясь в его смысл. Ищу упоминание о бывших боевых товарищах. Тщетно. Больше никаких знакомых имен.

Понимаю – нужно успокоиться, привести сумбур, царящий в моей бедной голове, во что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее порядок.

– Водки! – прошу полусонного бармена.

– Сколько? – вяло интересуется тот.

– Пятидесяти грамм будет достаточно.

– О'кей, – отвечает и через минуту ставит передо мной махонький поднос со стопкой прозрачного национального напитка.

Одним махом, не дрогнув ни одним лицевым мускулом, уничтожаю содержимое стопки. Я обязательно найду этого графомана с мистическо-шпионскими замашками и оторву ему голову – что б ему пусто было!..

Всю ночь брожу по улицам, не слишком вдаваясь в подробности куда меня занесло в каждую отдельную минуту прогулки. Слава Аллаху, больше мне не подались белые листы с черными буквами. Книгой их можно назвать можно лишь с большой натяжкой, поэтому для меня они – скорее паззлы, чем литературный опус. Откуда они берутся – неразрешимая загадка. И главное – для чего? Может быть, это какой-то вид извращений – «литературный маньяк»? А что – вполне возможно!..

Домой я возвращаюсь на рассвете, усталый и опустошенный.

Сплю до победного конца, благо есть такая возможность.

Едва распрощавшись со сновидениями, еще даже глаза толком не разлепив, решаю, что мне просто необходимо привести себя в порядок: побриться, подстричься – самому противно, ей-богу, созерцать каждое утро в запотевшем зеркале помятую обросшую физиономию. Мелькнула шальная мысль – вдруг это вообще не я?

Как это?

А вот так! Сейчас, разглядывая собственное отражение в небольшом зеркале в ванной, я с ужасающей ясностью осознал: тот, кто полубессознательном состоянии уже несколько недель передвигается по моему дому, кто запустил себя настолько, что сам себе противен, кто живет как растение – не мысля, не чувствуя, не вспоминая, ничего не делая – это существо просто по определению не может быть МНОЙ – тем Сашей, которому еще два месяца назад любые беды были как с гуся вода, моря по колено, текила по карману, а проблемы по барабану! ТОТ Саша умел грустить, но только до рассвета, а утром как в бурное море окунаться в работу и вечером, встречаясь с друзьями, даже вспомнить не мог, почему не спал всю ночь; ТОТ Саша умел влюбляться за одну секунду, а, расставаясь, писал с десятков грустных стихотворений, выкидывая предмет своих прошлых мечтаний из головы в рекордные сроки; ТОТ Саша умел радоваться летнему ветру, каплям дождя на щеке, солнечным зайчикам на ладони; ТОТ Саша не потратил бы месяц своей единственной неповторимой жизни на экзистенциальные переживания непонятного происхождения!..

Да уж – двойка с минусом Вам, Александр Станиславович!

Пора возвращаться... Контрастный душ, чашка кофе, визит в парикмахерскую – план номер раз. Поиск работы, одна глобальная пьянка со старыми приятелями для завершения самопсихотерапии – план номер два.

«И только попробуй снова раскиснуть, дорогуша, я тебя еще и в спортзал отправлю, так и знай!» – подмигнул я своему свежевыбритому отражению и улыбнулся, осознав всю глупость такой угрозы. Улыбка была искренней, а значит, я действительно возвращаюсь – HELLO, WORLD!

Глава 5

Сейчас, после человеческого завтрака, не имеющего ничего общего с шоколадной пастой густо намазанной на черствый хлеб, посещения салона красоты, где молоденькая стилистка окончательно привела меня в чувства при помощи ножниц и нежной улыбки, прогулки по лабиринту супермаркета, удовлетворившую древний как наш мир мужской поисково-охотничий инстинкт, загадочное появление следующей главы «саги о сумасшед-

шем демиурге» на моем письменном столе меня скорее радует, чем тревожит как минувшей ночью.

Мое собственное солнышко уже почти отправилось баиньки, уступив небо первым двум из трех разноцветных лун. Вспоминаю, что именно столько ночных спутниц, согласно славяно-арийским ведам, было и у нашей планеты в доисторические, допамятные времена: имена им были – Месяц, Леля и Фатта – хороший знак!

Сажу на крыльце своего бирюзового бунгало с чашкой горячего чая и остывающим яблочным пирогом, вдохновительно пахнущим корицей и ванилью, возникшими из моих воспоминаний. Но я не спешу приступить к трапезе, просто наслаждаюсь необычной легкой тяжестью в том месте, где я обычно ношу рюкзак с ноутбуком – только рюкзак, честно говоря, немного тяжелее будет. Крылья, вопреки моим опасениям, совершенно мне не мешают: за день я привык к ним – они стали чем-то вроде волос (вроде бы есть, а вроде бы и нет). Чудеса, да и только!.. Решаю оставить все как есть, вдруг они мне еще понадобятся – не отрицывать же их каждый раз заново, тем более, что эта процедура не из тех, которые хочется совершать каждый день!

Смакую, созданный собственными мысленными усилиями, ужин, впитываю в себя предночную прохладу, считаю немногочисленные звезды на небе – а ведь действительно их не так много, интересно почему?.. Мне приходит в голову, что начиная со следующего утра, надо приниматься за тяжелое и удивительное божественное ремесло – не отдыхать же я сюда проснулся?! – а перед этим, наверное, стоит освежить память на предмет школьной программы по ботанике и зоологии, генетике и географии, возможно химии и физике... Ведь даже для выращивания крыльев на спине мне пришлось потрудиться и вспомнить картинку из учебника по зоологии, на которой был изображен скелет голубя, испугавший меня когда-то в детстве и именно поэтому, скорее всего, запомнившийся. А ведь мне надо населить мой мир всевозможными представителями флоры-фауны, вложить всю свою смекалку, знания, фантазию и внутреннюю силу в творческое это дело.

Нельзя полагаться только на воображение: невесть что может получиться – расхлебывай потом!

Да уж!.. И как наш собственный земной Бог уложился в шесть дней, не понятно – мне на это дело по самым скромным подсчетам, хорошо, если года хватит!..

С этим огромным изумленно-выгнутым знаком вопроса в голове я и ложусь спать. А что еще прикажете делать?..

Еще одна глава этого «шедевра литературной мысли» попадаете мне на глаза возле дверей моей квартиры. Ближе к закату, я решил прогуляться по городу – выгнать из организма последние жалкие остатки хвори – и почти наступил ботинком на девственно белый лист бумаги. Сначала я подумал, что это просто чистый листок, но, перевернув, избавился от смешных иллюзий. Пожав плечами, складываю листок вчетверо и прячу в карман ветровки – потом, все потом.

Выхожу на улицу, падаю в объятия города – суетливого и радостного, потому как завтра еще одна (хоть и последняя) летняя суббота и словно в предвкушении дачного безделья людские лица не устали и равнодушны, а восторженны и улыбчивы – еще одна махонькая капля бальзама на мое излечивающееся сердце.

Вдоволь набродившись, возвращаюсь в исходную точку: кафе напротив моего дома. Заказываю чашечку капучино, и только сделав первый глоток, достаю из кармана примятый листок.

Интересно, эти мутные тягучие сны – плата за обретенную божественность, так что ли получается? Я теперь что всю оставшуюся жизнь буду просыпаться с тяжелой, как тыква, головой и приходить в себя только после лошадиной дозы кофеина и ласковых солнечных лучей? И что же я за демиург, если не могу обуздать даже собственные сновидения?..

Мда...

Приоткрываю один глаз. Щурюсь от неконтролируемой яркости естественного мягко-оранжевого светильника. Сладко потягиваюсь, с удивлением обнаружив, что спал на спине, а новорожденные крылья не создавали мне неудобств в этом процессе – а я-то думал... удивительно!

Но самый большой подарок ждал меня вне дома. Как только я вышел на крыльцо, чтобы последовать ежеутреннему (пусть даже придуманному только вчера) ритуалу, то от радости, едва не уронил, добытую при помощи тяжких умственных усилий, чашку кофе. Метрах в пятидесяти от моего бирюзового пристанища красовалось небольшое, но ослепительно чистое озеро. Откуда оно взялось за ночь – непонятно, но таких щедрых подарков я не получал даже в детстве на Рождество!

Забыв о сногшибательно пахнущем кофе, скидываю с себя уже изрядно потрепанную пижаму и с разбегу, с головой окунаюсь в прозрачную как хрусталь воду, не потрудившись даже проверить не мираж ли это – слишком велико мое доверие к Миру, в котором я проснулся однажды утром. ОДНАЖДЫ – да, я уже могу себе позволить употребить это смыслорастворяющее слово, потому как мои ощущения твердят мне, что я здесь давно – так давно, что уже начал забывать тот, другой, мир.

Это просто праздник для моего брэнного тела! До сих пор я не слишком усердно приводил его в порядок при помощи бутылированной воды, и, кстати, не потрудился даже переодеться – свинтус, да и только! Видимо пришло время все исправить.

Выскакиваю из воды совершенно голый (кто ж меня здесь увидит-то!) и совершенно счастливый. Стою, раскинув руки – даю возможность солнечным лучам высушить кристаллики воды на коже и пытаюсь, небезуспешно впрочем, мысленно представить платяной шкаф в почти забытой собственной комнате. Представляю, как подхожу к нему, открываю деревянную немного скрипящую дверцу с резной ручкой, достаю джинсы и сочно-зеленую футболку с длинными рукавами, одеваюсь... Вуаля!

Визуализация моя – кто бы сомневался! – привела к желаемому результату: я чист, одет и готов к подвигам.

Воодушевившись легкостью предыдущего эксперимента, не останавливаюсь на достигнутом и за чашкой кофе снабжаю себя школьными учебниками по ботанике, зоологии, генетике и селекции. Я, конечно, мог бы облегчить себе задачу и населить свой мир существами и растениями знакомыми с детских лет, но я хотел бы по возможности все придумать сам – на то я и творец, чтобы создавать! Кто его знает, может, у меня получится лучше?..

Сегодняшний день – просто мечта лентяя! Окружив себя книгами и сэндвичами, навизуализировав (а как еще назвать этот процесс?..) себе джеззу кофе с кардамоном из моего любимого ресторанчика и небольшой чайник чая, валяюсь прямо на траве и ем... ем... ем... читаю... читаю... читаю... до самого заката. Ибо завтра великий день – завтра я начну свою творческую (от слова «творец») карьеру! А для чего еще я сюда проснулся?..

«Да уж!» – улыбаюсь. Какая, однако, у некоторых жизнь интересная – это что-то! Не то, что мы, среднестатистические обыватели: рождаемся, живем, работаем, стареем, умираем... Никаких тебе иных реальностей, создательских мук, крыльев и чашек кофе из ниоткуда! Будь во мне хоть капля таланта, я бы, скорее всего, и сам написал бы нечто подобное. Правда

читать мне нравится больше, чем писать. Каюсь, пробовал – быстро завязал. Вовремя понял, что писательство – не профессия, не игра, не способ пережить скучную ночь на исходе зимы, а – призвание, поцелуй ангела, метка Бога и все это, к моему глубочайшему сожалению, не про меня – впрочем, не очень-то не хотелось!

Глава 6

Еще одна страница «саги» поджидала меня на диване, который последнее время служил мне раскладушкой, обеденным и письменным столом в одном наборе. В спальне я появлялся только для того, чтобы переодеться, в кухне – чтобы сварить кофе, а за компьютерным столиком меня не было с тех самых пор, как я закончил выполнять спецзаказ шефа и благополучно угодил в психиатрическую клинику.

Прежде, чем начать читать, разогреваю пиццу, беспощадно поместив ее в микроволновку, наливаю чашку мятного чая, переносу все это на журнальный столик, взбиваю подушку, заваливаюсь на диван... и только когда подготовительные работы окончены, позволяю себе расслабиться.

Ночью мне не спалось – утро встречаю сидя на подоконнике своего бирюзового бунгало. Я не зря потратил эту ночь: лунная феерия медленно уступала небо солнышку, мутный галлюциногенный бред, не давший мне заснуть минувшим вечером, почти забылся, а беспорядок в моей голове сменился усталым уверенным спокойствием какого-нибудь древнего бога. В этом мире мне все давалось легко, в том числе и выкидывание из головы грустных мыслей – и слава богу, ибо на расстоянии длины окружности этой милой планеты, нет ни одного психоаналитика, чтобы помочь мне в этом нелегком деле. И не беда – сам справился! – еще не то можем, коли захотим...

Начать выполнение обязанностей демиурга решаю с сотворения чего-нибудь маленького – того, что сложно испортить недостатком воображения. В итоге прямо возле моего домика сотворилась небольшая клумба, усеянная крохотными сиреневатыми цветками, немного смахивающими на ромашки. Мне сразу же понадобилась лейка, чтобы полить это чудо; сложностей в решении этой задачи не возникло, и меня это даже не удивило – я сейчас такой уверенный в своих способностях, куда уж там Осирису, Одину, Аллаху, Иисусу и уже с ними!..

Первая из трех лун застала меня посреди новоиспеченного луга, переливающегося всеми цветами радуги в нескольких километрах от дома – уж я постарался, чтобы моему миру не грозило однообразие! Дикая смесь плодов собственной неугомонной фантазии и мелких представителей флоры моей исторической родины, тщательно сотворенная без перерыва на обед, стала своего рода боевым демиурговым крещением и пилюлей от неуверенности в себе заодно. Но я не чувствую себя уставшим: напротив, во мне так и бурлит нерастроченная пока энергия – аж кончики крыльев чешутся!

Понимаю, что заснуть в таком состоянии нереально, не стоит даже и пытаться – вот и не пробую. Вооружившись карандашом и пачкой бумаги для принтера под мягким светом трех разноцветных лун, испытываю новый способ сотворения-всего-на-свете. Рисую маленького ушастого травоядного зверька с мышинной мордочкой и короткой мягкой шерстью: начинаю со скелета, а заканчиваю его подружкой – не куковать же ему в одиночестве!

Вышла у меня помесь бобренка с тушканчиком – в целом, довольно милый зверек. Но сделать его настоящим мне так и не удастся – просто не знаю, с какой стороны подойти к этому вопросу.

К концу этого странного эксперимента у меня начинают слипаться глаза (ночь все-таки, а лун, хоть и три, но они не заменяют электричество) и я засыпаю прямо на траве, потому как не нахожу в себе сил совершить перелет в свое бирюзовое гнездышко, хоть и очень сильно стараюсь...

Пробуждаюсь оттого, что какая-то вредная травинка щекочет основание шеи. Улыбаюсь прежде, чем открываю глаза. А зря, между прочим.

Когда сие чудо случается, обнаруживаю рядом неведомую зверюшку, ужасно похожую на то, что я рисовал вечером.

Маленький, пушистый, серо-зеленый БОБТУШИК (бобренок-тушканчик)! Обнюхивает меня, забегая с разных сторон. Протягиваю руку – не боится – доверчиво тычется влажным носом к кончику моего указательного пальца. А вот его подружка (я уверен, что мой будитель – мальчик) наблюдает за его манипуляциями немного поодаль. Не отбегает, но и подходить не спешит.

– Благословляю вас, дети мои! – произношу, не в силах больше сдерживать смешинку, распирающую грудную клетку и всеми силами рвущуюся наружу.

Растите, размножайтесь... ага!..

Бобтушик и бобтушка убегают от греха подальше, не дождавшись окончания приступа беспричинного веселья собственного создателя.

Ну и правильно – у них куча дел: норку вырыть, познакомиться поближе, сделать запасы на зиму. А мне нужно привести себя в БОЖЕский вид, позавтракать и придумать нормальное название для этих зверят, а то стыд и срам, ей богу!

Хотя с другой стороны, зачем им какое-то название – они и без него, вот уже пару часов, прекрасно обходятся...

Ладно, тогда просто дам им имена, скажем... Люси к и Люся, например!

Бобтушка – это ж надо! Где он слова-то такие берет?..

Приступ безудержного хохота окончательно лишил меня способности видеть сны, хоть я итак не слишком стремился: спать в такую ночь – что может быть тривиальней?

Выскакиваю из своей уютной норки из подушек и одеял на балкон, любуюсь созвездиями и половинкой лунного диска, слегка прикрытой густым облаком, до временного счастливого помрачения ума вдыхаю жасминово-клубничный запах августовской ночи...

Когда я возвращаюсь в комнату, на полу возле ножки журнального столика лежит еще один лист – и откуда они берутся, скажите на милость, не ветром же их приносит в самом-то деле?..

В течение следующих месяцев я упорно занимаюсь творческой деятельностью. Придумываю и воплощаю собственные «гениальные» замыслы. Радуюсь тому, как преобразается мой Мир. В ход идут любые инструменты, начиная с воспоминаний, заканчивая карандашом.

Сейчас мне как никогда раньше нравится рисовать. Стоит только перенести любую из своих выдумок на бумагу, как через пару часов она тут же возникает в реальности.

Честно сказать, я в восторге от собственного всемогущества. Не до такой степени, конечно, чтобы начинать завоевывать другие планеты и организовать авторитарную монархическую систему управления какими-нибудь несчастными гуманоидами, попавшимися на моем пути, как в культовых фильмах моей настоящей родины, но все-таки я чувствую себя настоящим Создателем, спасибо, что хоть не Богом!

Мир постепенно меняется, становится похожим на сон безумно одинокого мечтателя, с той лишь разницей, что я воплощаю его, воскрешаю из собственных давно забытых сновидений.

Я не уверен, что мне когда-либо снилось нечто подобное, но это и не важно. Сколько безнадежно утраченных снов случается в человеческой жизни? Думаю, много. Для основной массы жителей нашей планеты, сны – только то, что снится, и ничего больше. Я из их числа, наверное. Был.

В данный пространственно-временной период я игнорирую только одно сновидение – то, которое заставляет меня покрываться липким потом, вскакивать с кровати на рубеже трехлунной ночи с будущим солнечным днем и искать защиты в созерцании собственноручно созданного пейзажа за окном.

Ладно, не будем о грустном. В конце концов, тот сон – единственное, что омрачает мое безоблачное полу божественное существование. Возможно, это расплата за Всемогушество...

Что ж, я готов!

Впрочем, меня никто не спрашивает – кто сказал, что мы свободны в выборе книг, которые читаем, слов, которые пишем, снов, которые созерцаем?.. То-то же!

А ведь он прав – кто сказал, что мы СВОБОДНЫ?

Теперь мне даже интересно чем закончится сие повествование. По логике сказочных вещей вскоре должен появиться страшный монстр или удивленный хозяин или еще кто-нибудь, кто попытается разрушить его мир, а он, нечеловеческими усилиями, выдержав не один десяток битв не на жизнь, а на смерть, победит и все будут счастливы. А может быть, в конце концов, он проснется, напрочь забыв свой волшебный сон? Банально, конечно, но что сделаешь? Жизнь литературных героев иногда ничем не отличается от обыкновенной человеческой жизни, даже если это герои сказки.

Бог с ним, с этим демиургом! Завтра (то есть, конечно, уже «сегодня») я начну склеивать по мелким кусочкам собственную неповторимую жизнь, зачем мне чужая, да еще и не настоящая?..

Глава 7

Сегодня – первое сентября.

Первое число любого месяца, как и понедельник или, скажем, утро Нового года – своеобразная точка отсчета. Начало, дающее возможность обнулить счетчик лет и событий, чтобы затем начать новую жизнь. И то, что именно сегодня первый день первого осеннего месяца, мне кажется хорошим знаком, уж не знаю почему.

Принятое накануне решение начинаю приводить в исполнение с того самого момента, как открываю глаза. Дотягиваюсь до ноутбука, захожу в Интернет, опубликовываю резюме на всех сайтах поиска работы, которые нахожу и только после этого встаю с постели с чувством исполненного долга. За исход этого сомнительного предприятия я не волнуюсь – человек, обладающий такой специальностью, опытом и знаниями в наше время без работы не остается надолго.

Пока я завтракал и соображал чем заняться в первую очередь (стиркой-уборкой или плюнуть на все с высокой колокольни и поехать на озеро и оторваться по полной), зазвонил мобильный телефон. Приятный женский голос минут пять добивался от меня согласия посетить собеседование в понедельник 3 числа в 12.00. Я не ломался, просто кокетничал, и девушка осталась довольна нашим разговором, да и я уже нафантазировал себе дальнейшее развитие событий, начиная с высокой зарплаты, заканчивая длинной ножек этой милой барышни. Фантазия вообще – великая вещь до тех пор, пока, однажды, не сталкиваешься с истинным положением вещей. Иногда, правда, Реальность все же оборачивается и являет

нам свое симпатичное личико, которое превосходит все наши смелые мечтания... жаль, что бывает это ой как редко!

Решаю позвонить Мику – университетскому другу, с которым мы не виделись с моего дня рождения в марте – пригласить его позагорать-покупаться на нашем местном курорте. Мне не кажется странным, что ни его мобильный, ни домашний не отвечают – лето все-таки только-только закончилось: бархатный сезон, можно сказать, да еще и выходной день, имеет же человек право расслабиться.

Набираю еще одного старого приятеля Никиту – бывшего сослуживца, неугомонного карточного фокусника и просто хорошего человека... Глухо как в танке – механический голос сообщает, что абонент в данный момент недоступен и просит перезвонить позднее.

Та же история повторяется и с остальными членами нашей неугомонной гопкомпании. Ох, сколько нами было выпито вина и сыграно партий в бридж, сколько завоевано городов и женщин, гор и небес, сколько безрадостных ночей пережито исключительно благодаря их дружеской поддержке...

Список «пропавших без вести» растет в это сентябрьское утро в геометрической прогрессии. Такое впечатление, что за последние два месяца они все разом поменяли место жительства, номера мобильных телефонов и вычеркнули меня из памяти за ненужностью с пометкой «Был и весь вышел!». Что ж, дай бог, чтобы я ошибался...

Скорее из упрямства, чем из необходимости, набираю номер двоюродной сестры. Я, конечно, еще слегка обижен на нее, но для меня принципиально важно дозвониться хотя бы куда-нибудь. На другом конце линии – незнакомый мужской голос, обладающий резким грубоватым тембром и кавказским акцентом:

– Слюшаю вас.

– Здравствуйте, вы не могли бы передать трубку Ольге?

– Какой Ольга, дарагой! Это мой телефон, никакой Ольга не знаю! Ты шото напутал, соколик!..

Нажимаю на сброс, ощущая, как вдоль позвоночника скользит тоненькая струйка холодного пота.

О'кей, не будем впадать в панику – успокаиваю себя – в конце концов, Оля могла просто потерять свой телефон, этот тип его нашел и...

Что именно «и» я так и не успел додумать – возле моих ног медленно опускается белый лист бумаги, чистой стороной вверх, но я и без всяких экстрасенсорных способностей знаю ЧТО это.

Сегодня мой первый, честно заработанный, выходной день. Все время, до сегодняшнего утра, я посвящал исключительно формированию разнообразия флоры и фауны Мира. Без отдыха и почти без сна – увлекся просто, если честно.

Но сейчас, когда мои обязанности создателя и творца выполнены, я, наконец, могу позволить себе затяжной отпуск. И первое, что я сделал в этом направлении – как следует выспался!

Сладко потянувшись, улыбнувшись солнечным лучам, проникающим сквозь опущенные веки, вдохнув сладковатую смесь цветочных запахов, открываю глаза, вскакиваю и покидаю свое бунгало цвета морской волны.

На бегу скидываю одежду и ныряю в прохладную прозрачную озерную воду. Потом долго и со вкусом пью кофе, заедая мандарином, и высыхаю заодно.

Вдруг понимаю, что мне очень хочется отправиться на прогулку – долгую, больше смахивающую на недельный поход из моего пионерского детства. Благо, мне даже стокилограммовый рюкзак в этом деле не нужен, ибо все, что мне необходимо, я могу просто сотворить в считанные секунды. Поэтому, не откладывая исполнение своего спонтанного

желания в долгий ящик, последний раз оглядываюсь, стараясь укоренить в памяти солнечные зайчики, прыгающие по бирюзовой стене моего дома, и отправляюсь в путь, пытаюсь вжиться в роль путешественника, впервые заброшенного судьбой в этот Мир. И мне это удается – честное слово! – у меня получается смотреть на собственное творение глазами восторженного незнакомца! Впрочем, в какой-то мере я – он и есть, и это лучшее в мире ощущение...

Пересекаю смешанный лес, пробуя на вкус разнообразные ягоды; нюхаю все, попадающиеся на моем пути, цветы; срываю с небольшого деревца с ярко-красными листьями плод странного буро-желтого окраса (и как мне такая дикость могла в свое время прийти в голову?..), довольно сладкий, кстати... Любуюсь величественными соснами и молодыми нежными березками (не мог устоять от искушения воплотить эти чудеса моей родины в Мире)... Глажу разных мелких зверюшек, доверчиво выбегающих на, протоптанную мной немного раньше, тропинку. Среди них встречаются как привычные моему взору лесные жители (зайцы, белки, лисята), так и не менее симпатичные «плоды» моей «больной» фантазии. Жаль, что названия для них я так и не собрался придумать. Впрочем, я до сих пор уверен, что не «царское это дело»!

На смену лесу, километра через четыре, пришло поле. Где-то среди зачатков будущих колосьев ржи и пшеницы, выкопали себе норку Люсик и Люся. Думаю, что им не скучно – с тех пор, как я с ними познакомился, я поселил здесь еще несколько видов их сородичей: маленьких мышек-полевков, рыжих в белую полоску зверьков, немного похожих на бурундуков из мультика «Чип и Дейл». Но это так, навскидку – просто у меня пока не хватает словарного запаса, чтобы описать плоды своей бурной деятельности.

Плюс еще разные представители «крылатой» фауны и отряда шестилапковых – насекомые, то бишь...

Я очень старался по возможности разнообразить Мир, следовать логике пищевых цепочек, не создавая при этом таких прекрасных, но опасных монстров как, например, тигры. Теперь вижу, что у меня все получилось. Ай да я!!!

На втором дне путешествия, я добрался до моря. Для того чтобы пересечь его по воздуху, мне пришлось лететь около пяти часов. Но, во-первых, это того стоило (с высоты «птичьего» полета были отлично видны колонии зеленых и желтовато-красных растений и стаи существ, отдаленно напоминающих дельфинов – венец всех моих «творческих» попыток, на мой взгляд), а во-вторых, я совершенно не чувствовал усталости.

Вообще я заметил, что с тех пор, как я проснулся в Мире, я ни разу нормально по-человечески не устал; меньше ем, меньше сплю – интересное явление!..

За морем, благодаря мне любимому, месяц назад вырос горный перешеек, с водопадами и расщелинами. Гэры я населил различными представителями копытных и крылатых, на это у меня ушла почти неделя – ну и бог с ней! И сейчас, пролетая, я видел их стада и черные точки «гнезд» огромных голубовато-зеленых горных птиц.

Перелетев горный перешеек, решаю дальше идти пешком. Взлетел с тех пор лишь раз, дабы пересечь глубокий, поросший деревьями, каньон, примерно на шестом дне пути.

Впервые за все это время я чувствую себя добрым дядюшкой-фермером, инспектирующим свое хозяйство, странником, случайно забредшим в незнакомую местность, юным бездельником, познающим мир, но никак не его Создателем. Закономерно, наверное...

Мой Мир не слишком велик, поэтому на закате десятого дня, вижу на горизонте очертания своего бирюзового бунгало. Прослезился даже от счастья – возвращение блудного сына, ни дать ни взять!

Но, едва достигнув дома, останавливаюсь как вкопанный, не в силах унять сердечный барабанный бой и волну паники подступающей к горлу. По спине тоненькой струйкой течет холодный пот и меня начинает бить нервная дрожь.

Силюсь понять как ТАКОЕ могло случиться, но не обнаруживаю в себе способности думать, а только хватаю ртом воздух. Страх и отвращение, возникшие в первую секунду, выросли до размеров панического ужаса; состояния, когда из ступора уже не выведет даже смрадное дыхание пасти хищника, подобравшегося к тебе нос к носу и собирающегося тебя сожрать.

Сделав несколько десятков глубоких вдохов-выдохов (по методу сэра Макса из Ехо), я все-таки заставляю себя поперевдвигать конечностями, чтобы подойти поближе. Победа – достойная героев древности!..

На противоположном берегу озера, высится огромное уродливое трехэтажное здание грязно-серого цвета. Даже с расстояния ста метров, я вижу, что оно не настоящее, то есть НЕ СОВСЕМ настоящее. Люди в полосатых пижамах с недооформленными лицами, грузной походкой, передвигающиеся бесцельно вокруг него – тоже не совсем реальные. Можно было бы назвать их призраками, но я не верю в приведения, даже сейчас, хоть и вижу их воочию. Из пустых глазниц окон без стекол, выглядывают уродцы, корчат мне отвратительные гримасы и с жутким (сатанинским, как принято его называть) смехом исчезают, уступив место другим подобиям людей.

Сюрреалистичность их гримас меня доконала. Ужас сменился яростью, не человеческой – животной. Мысленно представив огромных размеров биту, я на секунду закрыл глаза, почти сразу почувствовав тяжесть искомого предмета в руках.

Один мощный взмах крыльев – и я уже на другом берегу.

«Один в поле – воин!» – прорычал я, а потом мне становится не до разговоров.

С мощным рыком разъяренного льва кидаюсь в бой. Крушу, ломаю, разрушаю, убиваю. Падаю, когда заканчиваются силы, затем снова поднимаюсь на ноги. Чем больше я пытаюсь разрушить здание, тем более реальным оно становится, чем больше теней я сбиваю с ног, тем их больше возникает, чуть ли не из-под земли, особенно приведенный-врачей, их я узнаю по белым халатам и шапкам. Но ярость во мне сильнее этого прискорбного, в сущности, факта.

Как посмело ЭТО появится в Мире? В Мире, который я творил своими руками, который любил и оберегал? В Мире, который я буду защищать до последнего вздоха!..

Вечность спустя силы иссякли, я устало опустился на землю и ощутил, что теряю сознание. Дальше – только страх, боль... пустота...

Первые несколько секунд я просто не могу поверить в то, что незнакомый человек может вот так запросто описать ТОТ САМЫЙ сон, последствия которого едва не доконали меня – блаженное забытие, последний подарок не слишком всемогущего божества, не сумевшего, в конце концов, сдержать водопад воспоминаний, обрушивший меня на пол собственной кухни.

Да, я вспомнил все: и волшебное переплетение разноцветных лунных лучей на стене бирюзового дома – МОЕГО дома; и радостное ощущение могущества, не покидавшее меня ни на секунду; и легкую тяжесть новорожденных крыльев; и предательскую слезу радости, скатившуюся по щеке, когда я в первый раз прикоснулся к нежно-сиреневым лепесткам цветов, только что рожденных из моих грез; и ни с чем не сравнимое чувство свободного полета; и острое ощущение нежности ко всему, чему я давал жизнь... и, конечно, ярость, с которой я разрушал наваждение во сне, и, как оказалось, наяву!

Вместе с воспоминаниями пришло ПОНИМАНИЕ – инсулиновый шок навсегда лишил меня возможности вернуться обратно. Я, наконец, осознал причину щемящей тоски, с которой жил последнее время. Но от этого мне едва ли стало легче. Напротив, резкая боль в сердце заставила меня скрючиться на кафельном полу кухни в позе разрубленного пополам червя. Слезы душили меня до тех пор, пока старая притча о том, что мужчины не плачут,

не устала маячить где-то на задворках сознания. В конце концов, я мысленно махнул на нее рукой и дал себе волю...

Господи, как бы я хотел плакать только стихами, излечивая себя рифмами вместо валидола; или звездами, пополняя небесную сокровищницу их горящими бисеринками; или каплями дождя на стекле... но я всего лишь человек – не могу, не умею плакать по-другому. Размазываю соленую воду, скользящую по лицу, уговариваю разорванное на клочки сердце дать мне еще немного посуществовать в этом мире. Для жизни мне неостанет радости, но хотя бы просто ощущать из утра в утро солнечные лучи на, вымотанной ночными битвами с собой, грудной мышце – уже немало для человека, у которого не осталось в жизни иных удовольствий. И пусть мой упрямый зеркальный двойник еще сто лет убеждает меня в том, что все еще будет хорошо – ты даже не сомневайся! – пусть сулит обязательное скорое забвение и новорожденные радости – я не верю ему. Не верю просто потому, что знаю – той ночью я умер, отпустил свою душу на вечные времена и теперь я просто тело: я еще двигаюсь, говорю, совершаю более-менее осмысленные действия, но ничего не чувствую, а раз не чувствую – значит, не живу...

Часть 3 OMNES UNA MANET NOX⁶

Глава 1

В моем Мире сейчас, наверное, тоже осень и те маленькие, напоминающие ромашки, сиреневые цветы уже отцвели, а слезы, проливаемые мной каждую ночь, теплым дождем стекают по их нежным пожухлым соцветиям. Осень – время прощаний и ее почти бесконечные зябкие дождливые ночи словно созданы для оплакивания всего на свете.

Живу как во сне, не трудясь заполнить пустоту в том месте, где когда-то (лето-жизнь-вечность назад) трепыхалось мое влюбленное в собственное творение сердце. Пусть ему! Слишком много безотчетной беспредельной радости получило оно в свое время – за то и расплавляется! Не может быть человек счастлив долго – таким уж он сотворен жесточайшим из всех демиургов.

Днем я стараюсь спать, мне невыносимо видеть как город, где я обитаю, залегает в зимнюю спячку. Ночью – пишу грустные сказки (каждую ночь – новую) и сжигаю их, как только небо перестает быть звездным. Надеюсь, что когда-нибудь их поток иссякнет, и это будет означать, что я снова живой. Покамест надежда эта – призрачна и зыбка, но она уже хотя бы есть, для меня и этого сейчас вполне достаточно.

В одну из промозглых ноябрьских ночей, едва выйдя на улицу, чтобы купить в ночном супермаркете пачку кофе, буквально нос к носу сталкиваюсь с Веником. Это событие тем более странно, что никто из моих старых приятелей и друзей так и не объявился за все эти месяцы. Не смотря на то, что у меня не было желания общаться с кем бы то ни было, я все равно время от времени набирал какой-нибудь из прочно застрявших в памяти номеров телефонов, но ни разу на другом конце провода не сняли трубку. Да что там приятели, я вдруг понял, что даже соседей своих я не встречал очень-очень давно. Что же касается Вениамина, то один раз он обмолвился случайно, что живет за чертой города, в поселке под названием «Медовый». Даже по приблизительным расчетам – это километров пятьдесят-шестьдесят отсюда.

– Как живешь, старина? – спрашивает он, едва выпустив меня из скупых («мужских») объятий.

Пожимаю плечами:

– Как-то так – ни так, ни сяк...

– Ничего себе формулировка, – рассмеялся Веник. – Сам придумал?

– Жизнь, – буркнул я.

– Саня! – Веник хватается меня за плечи и начинает трясти. Бедняга, он сразу понял, что со мной что-то не так (еще бы!) и попытался таким диким способом исправить ситуацию. – Саня, у меня такое ощущение, что мы окончательно поменялись ролями... Очнись, чего ты как не родной?..

– Веник, прости, не до веселья сейчас, честно. Зайдешь?

– Даже не знаю, ночь на дворе...

– Ну, постой – подумай, а я пойду пока кофе куплю! – Поплотнее затягиваю шарф, поднимаю воротник и двигаюсь в сторону магазина.

Вениамин догоняет меня на второй секунде вояжа – быстро «подумал», молодец!..

⁶ Всех ожидает одна и та же ночь (лат.)

– Что у тебя случилось, дружище? – спрашивает он, когда мы останавливаемся в конце очереди в кассу. – Или ты так и не оправился от инсулинотерапии? Столько времени прошло – пора бы уже! Какой-то ты замороженный...

– Давай не здесь, ладно? Не хватало еще устраивать в общественном месте через двадцать пять минут после полуночи внеочередной сеанс психотерапии!

– Во загнул! – удивленно – восхищенно качает головой Веник. – Понял, молчу, жду более удачного случая!

– А откуда ты взялся на моей улице? – спрашиваю абы что-то спросить с одной стороны, а с другой – почему бы и не поинтересоваться (лучше, конечно, поздно, чем никогда).

– Долгая история! – неопределенно махнув рукой, отвечает мой дружок.

– Стылые ноябрьские ночи – словно специально созданы для таких историй, тебе не кажется? – спрашиваю, но Веник молчит, только головой задумчиво качает.

Так он и молчал до самого порога моего дома, а потом еще несколько минут, пока томила кофе в джезве.

– Я навещал Виллису, – наконец произносит он.

Настала, видно, и моя очередь удивляться и задавать вопросы:

– Она, что, живет где-то рядом? И давно ее выписали? И как ты узнал ее адрес, ты ведь даже знакомиться с ней не хотел? – скороговоркой спрашиваю я, пока все эти вопросы не вылетели из моей пустой головы.

Невысказанные вопросы – это то же самое, что пирожные: пока свежие-сладкие, а забудешь о них – протухнут, будут вонять и мешать жить.

– Не бойсь, старик, сейчас все тебе расскажу, – улыбнувшись, отвечает Веня. – Даже если уши затыкать начнешь – не отстану!..

Ну, слушай! Прихожу я однажды в клинику, вас с Митричем проведать, а тебя нет – выписали. Я погоревал-погоревал, посмотрел на нашего «ризешнауцера», выхожу на улицу, а там она. Плачет. Чего плачешь, девица-красавица? – спрашиваю. Она мне и отвечает: «Добрый молодец наш, Сашенька, покинул меня – горлицу среброкрылую – одну на чужбине!.. Проститься не пришел, колечка не подарил»...

Ага, видишь, уже смеешься!..

Так вот... Давай, – говорю – девица-красавица, вместе горевать, ибо и мне добрый молодец Сашенька и колечка не подарил, и проститься не пришел...

Сашка, прекрати смеяться – ты меня сбиваешь!..

А что ж ты, красна девица, на улице в такой час делаешь? – спрашиваю. Да вот, – отвечает, – пришла к добру-молодцу Сашеньке, фруктов всяких разных заморских принесла, да и не застала. Где ж теперь мне милого искать – уж не знаю...

Саня, ну ты чего?..

Не могу сдержаться – смеюсь так, что слезы из глаз льются. Ну откуда он взялся на мою голову, Веник этот?.. Сидел себе человек, грустил...

– А если серьезно, Веня, Иру тоже выписали?

– Раньше тебя, между прочим! Ее не то чтобы совсем вылечили, но она уверяет, что Мирта поутихомирилась с тех пор как Ира с тобой познакомилась. Сейчас Ириша хочет избавиться от нее окончательно – к психотерапевту ходит, детство анализирует. Я же тебе говорю – мы тогда вечером возле корпуса встретились: она только от врача – сразу к тебе, а тебя нет. Телефонами обменялись. Я ей позвонил пару раз.

Слово за слово – теперь мы встречаемся. Ты не очень огорчился? – спросил и смотрит на меня как котенок в «Шреке 2» – огромными жалостливыми глазищами. Хорошо хоть не желтыми!..

– Дундук ты, Веня, почему я должен огорчаться? Это же здорово, когда люди встречаются, влюбляются...

– Так, тихо-тихо!.. Без далеко идущих планов – мы пока только встречаемся! Я просто думал, что ты втрескался в нее по самые уши: видел бы ты себя со стороны, когда она танцевала там, в парке.

– Я просто... Понимаешь, было в ее танцах что-то завораживающее. Грусть, не передаваемая словами – я и сам иногда ТАК чувствую... А где она живет?

– Ты не поверишь, но обитает Ириша в начале твоей улицы – у тебя 28 номер дома, а у нее – 3! А я к метро шел, когда тебя встретил.

– Ух ты! А как Митрич? – спрашиваю.

– Митрич до сих пор в больнице. Уверяет меня, что ему б только зиму пережить, а потом... Что потом – он молчит. Как Зоя Космодемьянская на допросе!

– Да, нехорошо получается, надо мне его проведать!..

– Тем более он о тебе спрашивал, но я не смог ничего вразумительного рассказать... – одобрительно качает мой дружок головой.

Мда...

Молчим, кофе пьем. О чем еще можно говорить?..

Стелю Вене на диване, себе – на резиновом надувном матрасе на полу. Укладываемся, свет выключаем.

Спать не хочется – конечно, кто ж натуральный кофе на ночь пьет?..

– Книгу-то хоть дописал? – спрашиваю. В темноте ведь все равно какие вопросы задавать лишь бы голос человеческий услышать.

– Нет, – отвечает Веник. – С концовкой проблемы – не знаю что лучше: правда или хеппи энд.

– Круто. Как по мне лучше правду. Есть в счастливых концовках что-то от Лукавого. Вроде бы ждешь, что любая история должна закончиться хорошо, но когда так и происходит, кроме разочарования ничего не испытываешь.

– Бывает еще хуже – Вениамин перешел на шепот. Как в детстве в пионерлагере, ей богу! – Хочется чтобы история закончилась хорошо, но «хорошо» понятие субъективное. Задаешь себе вопрос «Хорошо это как?» и в итоге можешь придумать лишь как это самое «хорошо» лично для тебя. Но ведь у других людей свое «хорошо», а героя книги – свое...

– Кошмар, – хихикаю. – Выходит, что правильных хэппи эндов вообще не существует!

– Выходит, – вздыхает Веник.

– О чем хоть книга-то?

– Представь себе, просыпаешься ты однажды в незнакомом месте... – Веник делает многозначительную паузу, а меня и без нее словно холодным ветром обдало, по всему телу начинает разливаться нечто слишком смахивающее на старую знакомую истерическую панику. – Вокруг только бескрайнее поле, теплое солнце, легкий летний ветерок... Никакого желания и, слава аллаху, возможности вернуться обратно в пресный, наполненный повседневными заботами и бесполезной скукотей, мир. Ты счастлив как никогда в жизни... Понимаешь, что ты здесь для того, чтобы дать возможность возникнуть, создасться недозбывшемуся из чьих-то радостных сновидений, миру. Здесь, и только здесь, тебе дано небывалое могущество – ты можешь все и при этом хочешь одного – БЫТЬ ЗДЕСЬ ВСЕГДА...

– И что?.. – спрашиваю, уже предполагая ответ. Внутри меня целая буря, центр которой замер и перестал отсчитывать удары, оставшиеся до конца моей жизни.

– Ничего. Ты делаешь для новой реальности все, что в твоих силах, а потом... БАЦ!.. И не было никакой реальности – ты в сумасшедшем доме, вокруг тебя врачи и психи, а тебе, оказывается, все это просто снилось и ты – просто один из полоумных бедолаг, которых все презирают и пытаются «не навредить»!

Веник говорит тоном Оле-Лукойе, рассказывающим очередную «просто страшную» сказку детям, которые уже сто раз ее слышали. Но я не могу больше терпеть: вскакиваю, включаю свет, мечусь по комнате в поисках листов – тех самых, благодаря которым я все вспомнил и чуть по-настоящему не сошел с ума за эти несколько месяцев. Наконец, ворох полу измятых, успевших пожелтеть, страниц находится там, где их по понятию быть не должно: в ящике с, простите ради бога, нижним бельем. Чем я думал, когда я их туда засунул? Да еще в самый низ самого дальнего угла?..

– Веник, – спрашиваю, не совладав толком ни с голосом, ни с организмом, – это он? Твой роман?

– Не весь, – отвечает Веник, прочитав первые несколько строчек. Лицо его в этот момент – один сплошной огромный знак вопроса. Впрочем, сейчас мы с ним на равных. – Здесь не хватает... Словом, тогда в клинике, я смотрел на тебя и не мог понять почему. Почему ты все время впадаешь в странный ступор и у тебя такое счастливое лицо?..

– То есть ты хочешь сказать, что сделал меня героем своего романа? Ты описал, как я создавал другой Мир, при этом находясь в сумасшедшем доме? И здесь не хватает того, что я делал, когда НЕ спал?

– Да, – тихо сказал Вениамин. – Откуда у тебя эти листы?

– Не знаю, в один прекрасный день они начали попадаться мне на глаза где бы я не находился и что бы я ни делал. Просто наваждение какое-то!

– А я все думал, куда могла подеваться распечатка... Я ведь, сначала описывал жизнь «психов», а ЭТОТ текст, должен был стать второй сюжетной линией и вплестись в книгу постепенно, маленькими эпизодами... его я закончил писать гораздо позже. Один раз я распечатал именно эти страницы отдельно для того, чтобы отредактировать, а они исчезли. Ну, пропали себе, и пропали – распечатал во второй раз! Но я не думал, что... что такое может быть!

Не могу больше сдерживаться... Сейчас мой смех очень похож на натуральную истерику: сижу на полу, ржу как обезумевшая лошадь, а с глаз текут слезы, которые я вытираю ладонью, но остановить не могу. Веник недоуменно смотрит на меня и наверняка раздумывает о том, а не вызвать ли бригаду скорой психиатрической помощи. Ничего, сейчас я скажу ему самое главное и еще не известно, кого нам придется реанимировать в ПЕРВУЮ очередь!

– Веник, – стараюсь говорить спокойно, но подружка истерика, рвется на свободу и смех больше смахивает на рыдания, а слова словно существуют сами по себе и проговариваются так же. – Прежде чем я тебе скажу кое-что... одна просьба... Словом, помни, я совершенно здоров и адекватен, даже если сейчас тебе кажется...или покажется через минуту... один фиг...что это не так!

Ответом мне послужило ошеломляющее непонимающее молчание Вени. И тогда я решил:

– Я не знаю КАК тебе могла придти в голову идея твоей книги, но все что ты написал – правда! Все именно так и было!..

Глава 2

Рассказываю Вени все, что я помню: о Мире, о сне, о наваждении, об инсулиновом шоке, который навсегда разорвал хрупкую ниточку, связывающую меня с Миром, о том, как я жил эти два месяца, когда вернулось воспоминание. Он недоверчиво косится в мою сторону, а мне больно, что я это вижу и ничего не могу с этим поделать.

– Я бы очень хотел показать тебе Мир, но это невозможно. Я не знаю, как туда вернуться. Но самое интересное, что ты писал о МОИХ чувствах, МОИХ поступках и при этом верил, что сам все это придумал – этого я вообще не могу объяснить!

Веник молчит, а из меня слова льются неконтролируемым потоком: воспоминания, замешанные на радости и боли, картины – более яркие, чем те попытки, которыми Веня пытался их описать. В конце концов бессвязный монолог, извергающийся из моих уст, подходит к концу и я замолкаю.

Я сейчас как Видар – молчаливый, опустошенный и почти спокойный. Любые воспоминания, если их рассказать становятся просто еще одной историей – историей, и ничем больше! Сказкой... Да – грустной, да – чаще всего банальной, да – иногда с плохим концом, но всего лишь историей... Рассказанными, наши воспоминания больше не принадлежат нам единолично – о них будет знать другой человек, который когда-нибудь при случае, расскажет их как анекдот или притчу с моралью другому, тот – еще одному, если найдется случай. Может быть, даже наше воспоминание вернется к нам спустя несколько лет в виде истории, поведенной нам же в поезде случайным попутчиком. А возможно оно канет в неизвестности – так тоже бывает.

Все бывает, если вдуматься!..

– Да, братан, я и не думал, что все так серьезно! – произносит, наконец, Веник. – То-то ты полвечера был как в воду опущенный. Теперь мне все ясно.

– Что тебе ясно? – смеюсь я. – Что мне пора на повторную госпитализацию?

– Да всем нам с рождения туда пора! – Веня улыбнулся и продолжил: – Не о том речь. У меня когда-то было подозрение, что писатели – те же медиумы; что тексты, любые тексты, уже давно написаны кем-то; что все идеи плавают себе спокойно в ноосфере какой-нибудь и те, у кого есть способность подключаться к этому непрерывному информационному потоку, те и совершают открытия и пишут книги – сейчас я лишний раз в этом убедился! Твоя история возможно из той же области!..

– Не понял, объясни.

– Ну, ты же не думаешь, в самом деле, что творил Мир находясь в нем? То есть я хотел сказать, что ты ведь никуда не исчезал из палаты – сколько раз мы с Митричем тебя на плечах таскали, когда ты вырубался! А если не исчезал, значит, был ты там не телом, а какой-то более важной частью тела! – Веник дал себе волю и рассмеялся. – Душой, что ли?!

– Но в Мире-то я был со всеми потрохами и вытекающими из них физиологическими потребностями!

– Да но... Там, в клинике, ты тоже БЫЛ!.. Господи, о чем мы спорим? – задал Веня риторический вопрос. Тут уж засмеялись мы вместе. И не было в этом смехе ничего истерического – нормальная здоровая реакция на абсурдность ситуации.

– В общем, – заключил мой друг, – утро вечера мудренее! Давай поспим, а когда проснемся, оценим эту ситуацию более трезво!

Надо сказать, что его предложение прозвучало как нельзя более во время – уже почти начало светать. Выключая свет и не в силах удержаться говорю почти шепотом:

– Спасибо за поддержку, Веня.

– Пожалуйста, – полусонно отзывается он, и я почти сразу засыпаю.

Утро в моем доме настало ровнехонько в полдень. Приведя себя в надлежащий человеческому творению мужского пола внешний вид, варю кофе, пока мой друг мирно дрыхнет в комнате. Впервые за последние несколько месяцев на меня снизошло бывшее спартанское спокойствие. Не знаю что послужило причиной: то, что Веник меня поддержал в такой, мягко говоря, неординарной ситуации или то, что метафизический камень, тянувший меня ко дну несколько потерял в весе. Скорее всего, и то и другое.

– Потребно искать какие-нибудь древние магические практики, которые смогут помочь нам попасть в Мир, – остановившись на пороге кухни, вещает мой друг.

– Нам?.. – удивляюсь. Доброе утро, дорогие таракашки, называется!

– Понимаешь, Саня, я долго думал... мне давно все опротивело – я хочу с тобой!.. Поселиться в твоём бирюзовом бунгало, писать книги, радоваться каждой новой, сотворённой тобой, зверюшке... А не хочешь – построю себе домик на другом краю Мира, ты меня не увидишь – не услышишь.

– А как же Виллиса?

– Ну а куда же без нее? Подозреваю, что для Иришки это единственный способ окончательно и бесповоротно избавиться от Мирты. А для меня – быть с ней.

– Не понимаю, объясни!

– Не могу, просто верь мне на слово... Существуют вещи, которые невозможно объяснить словами. Например – то, что один нормальный здоровый психически человек оказался способен стать Творцом, а второй такой же нормальный человек не подвергает этот факт никаким сомнениям и верит, вернее – сильно хочет верить, и оба меньше чем три месяца назад познакомились в сумасшедшем доме!

– Ладно, – смеюсь. – Но ты понимаешь, я не знаю ни одного способа вернуться. НИ ОДНОГО! Поэтому все наши дебаты не имеют никакого значения!

– А ты пробовал НАЙТИ хоть один способ? Насколько я понял из твоего рассказа, ты даже не пытался!

Господи, а ведь действительно!.. Не только не пытался – мне даже мысль подобная в голову не приходила!

– Хорошо, вижу тебя проняло, – продолжает Веня. – Вернемся к исходному пункту нашего разговора – магические практики. Вспоминай, попадалась ли тебе на глаза информация, хоть отдаленно напоминающая нашу проблему? Что-нибудь, пусть даже полный бред про открывающиеся внезапно порталы?

Первая, пришедшая в голову мысль, оказалась настолько идиотской, что я расхохотался прямо с полной джезвой горячего кофе в руке, не успев поставить ее на стол. Естественно пролил немного на пол и рассмеялся еще пуще. Веня со снисходительной улыбкой папочки созерцающего невинные игры собственного дитяти наблюдает за моими не слишком удачными попытками взять себя в руки.

– В книгах Макса Фрая, – начинаю говорить, честно стараясь предотвратить следующий приступ неконтролируемого хохота. – Я даже пытался вылечить в клинике одного фраймана от дверофобии.

– От чего? – удивляется Веня.

– Мальчик страшно боялся, что однажды, открыв какую-нибудь дверь, попадет в другой мир, прикинь! Получается что и мы тоже... Ох, не могу!..

Очередная смешинка заставляет меня практически согнуться пополам. Я стараюсь дышать глубоко и медленно, чтобы прекратить это безобразие – тщетно. Веня, глядя на меня, тоже начинает хихикать.

Представляю, как это выглядит со стороны!..

– Может, попробуем? – Кто из нас двоих произносит эту фразу – сие тайна великая есть. Скорее всего мы заговорили одновременно.

У меня уже не осталось сил смеяться – мышцы пресса отказываются сокращаться, ибо отвыкли давно от подобного насилия. Глубоко дышу, пытаюсь по возможности не вспоминать о причине этого долгосрочного неконтролируемого приступа веселья. Веня сидит на полу, его грудь беззвучно сотрясается и сам он уже не хохочет, а тихонько повизгивает с периодичностью в две-три секунды.

Разливаю кофе в две небольшие чашечки (лучше поздно, чем никогда, конечно), делаю самый большой глоток, на какой я способен – кофе не то, что не горячий, можно сказать, что

он уже – холодный (еле-еле теплый, если быть точным!). Только после этого мне наконец-то удается начать мыслить трезво и говорить связно:

– Веня, если честно я думаю это неудачная идея, но... других пока нет, поэтому давай искать дверь, которую можно открыть в темноте, учитывая, что сейчас три часа дня и это практически невозможно!

– Подвал открыт? – Веник последовал моему примеру и выпил полчашки кофе одним глотком.

– Точно, если не включать свет в подвале довольно темно! Ты – гений, Венька!

– А знаешь, я с тобой согласен, – рассмеялся он.

Одеваемся, спускаемся на улицу. Дверь в подвал находится с боковой стороны моего дома. Закрыта на амбарный замок.

Долго ищем дворника, придумываем дурацкую историю, чтобы он поверил и открыл.

Через полчаса достигаем цели. В подвале темно и, слава богу, что мы не видим его обитателей. Когда-то, еще до клиники, сантехник, чинивший мне кран в ванной, рассказал, что в подвальном помещении обитают какие-то странные мутанты: выглядят они как большие кузнечики (сантиметров восемь-десять в длину), но при этом конечностей у них восемь как у пауков, а не четыре. Думаю, что кроме этих паукокузнечиков в подвале еще и мышки с крысками встречаются, поэтому, шагая в почти в полной темноте чуть ли не строевым шагом, стараюсь не размышлять и не анализировать что за шорохи и копошение наблюдаются примерно в метре от моих ботинок.

– Я подожду вас на улице, – говорит дворник и ретируется.

Веня достает карманный фонарик. В глубине огромных размеров трубно-паутинного пространства вижу узкую обшарпанную дверь.

– То, что нужно, – говорю. – Пробуем?

– А для чего еще мы сюда пришли, – пожимает плечами Веня.

Выключаем фонарик, для верности закрываем глаза, толкаем дверь, открываем глаза – все так же темно и ничего не изменилось (вроде бы!).

– Давай еще раз, – говорю почему-то шепотом, а Веня кивает.

То, что он именно кивнул я скорее чувствую нутром, чем вижу. Беремся за руки, закрываем глаза, кое-как пропихиваемся в узкое отверстие, снова открываем глаза – темно.

Веня включает фонарик. Световой луч открывает нам интересную истину: оказывается можно путешествовать таким способом, но, скорее всего, не в другой мир, а вот куда?... Оглядываем окружающую обстановку – старая мебель, сваленная в бесформенную огромную кучу, паутина, веревочная качель, которая чуть не подружила мой нос с полом, затхлый запах нежилого места, деревянные стены... Здесь однозначно светлее, чем там, откуда мы сюда попали. Скорее всего мы оказались на чьем-нибудь чердаке, но то, что мы не в подвале моего дома – это сто процентов!

Выбираемся, стараясь не наступить на что-нибудь громкое или живое. В противоположном конце комнаты – узенькая полоска света. Движемся на этот единственный ориентир как корабли на маяк или как бабочки на огонь – это смотря куда нас занесло. Я слышу Венино сердце, как и он мое, наверное. Он доходит до конечной цели первый, дергает дверь – не поддается. Замираю – не то от страха, не то от радости.

– Попробуй в обратную сторону, – говорю почему-то шепотом.

Дверь со скрипом приоткрывается и нас ослепляет очень яркий свет. Электрический. Спускаемся по узенькой круговой лестнице с железными ступеньками. Один этаж, второй, третий... попадаем в хорошо освещенный холл.

Светло и никого нет – чудеса!..

Глава 3

В центре холла накрытый стол и... елка! Живой веселый огонь с камина отражается в небольших стеклянных шариках, украшающих это миниатюрное деревце – тоже, кстати, самого что ни на есть натурального, то бишь лесного происхождения. Запах хвои и мандаринов добавляет в эту милую картинку ощущение праздника из далекого детства.

– До Нового года еще полтора месяца, это что – розыгрыш? – шепчет Веня при этом лицо у него как у мусульманина воочию узревшего Иисуса Христа.

– Не знаю, – отвечаю ему, абы что-то ляпнуть – сам ведь ничегошеньки не понимаю.

Распахиваем железную дверь, украшенную рождественскими прибабасами, предполагая, что именно она должна вывести нас на улицу. Так и случается. Снаружи зима – настоящая, многоснежная, белая и прекрасная. Небольшой ветерок одаривает нас, нежно роняя на лица крохотные снежинки. Судя по тому, что температурный контраст не слишком чувствуется – мороз – градусов 5 максимум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.